

ДЖУЛИ БЕРРИ

Автор «Тайны “Школы
Приквиллоу”»!

ТРИ
ЖЕЛАНИЯ
МЭЙВ

Джули Берри

Три желания Мэйв

Серия «Книги Джули Берри»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477759

Три желания Мэйв: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-177461-5

Аннотация

Школа мисс Саламанки для благовоспитанных юных леди... Что может быть скучнее! Ни в крикет поиграть, ни подраться с деревенскими мальчишками. Но всё поменялось, когда я, Мэйв Меррит, нашла на помойке банку из-под сардин, внутри которой живёт джинн! Да-да, тот самый, но совсем не спешащий исполнять мои желания. Что ж, пока не поздно, я готова изменить свою жизнь и вырваться из пансиона! Но... трачу первое желание на то, чтобы Мермер выкрасил косы самой вредной девчонки школы в зеленый цвет. К тому же так вышло, что про джинна пронюхал влиятельный магнат, готовый на всё, чтобы забрать его у меня. Пришло время взять в союзники лучшую подругу, сироту из приюта напротив, и дать отпор новому врагу. Но я и подумать не могла, что нам придётся противостоять ещё и древнему правителю, вырвавшемуся из векового заточения!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	66
Глава 9	81
Глава 10	86
Глава 11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джули Берри Три желания Мэйв

*Посвящается моей матери, Ширли Кит Гарднер,
той самой храброй девчонке*

Julie Berry

WISHES AND WELLINGTONS

Copyright © 2018, 2020 by Julie Berry

All rights reserved

© Николенко Е.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Я всегда предпочитала решать проблемы кулаками. Именно потому родители отослали меня в школу мисс Саламанки для благовоспитанных юных леди. Именно потому нынче утром мисс Бикл, учительница рукоделия, отправила меня в кабинет директрисы. Похоже, мне требовалось напоминание, какой благовоспитанной обязана быть юная леди. Спорю на что угодно, вскоре это напоминание отпечатается у меня пониже спины.

С невиннейшим видом я застыла на стуле с прямой спинкой перед столом Старой Саламанки. Мне казалось, я уже вполне благовоспитанная. Но судя по обращенному на меня пристальному взгляду директрисы, наши мнения не совпали. Похоже, даже буфы на рукавах ее платья раздулись от негодования.

– Мисс Меррит, – начала Старая Саламанка. – Прямо сейчас, сию минуту, юная мисс Трезелтон лежит в лазарете с куском холодного мяса на глазу. Что вы на это скажете?

А что я должна сказать? Что глубоко сожалею? Вот уж дудки.

– Скажу, повезло ей, что это мясо, а не печенка.

Старуха Салли нахмурилась сильнее.

– Его аромат напоминает о доме, – объяснила я. – К тому же мясо мгновенно охлаждает ушибы.

Директриса с размаху хлопнула рукой по журналу.

– Ученицы моей школы не дерутся, как уличные хулиганы! Неужели вы совершенно не думаете о своей семье? Вам плевать на ваше образование?

Я только пожала плечами. Семья? Мать сослала меня на сей необитаемый остров после драк с деревенскими мальчишками. Вообще-то обычно мы ладили, просто они не любили проигрывать мне в крикет. Прямо сейчас маменька и старшие сестры, должно быть, несколько опечалены состоянием своего гардероба. Все, кроме моей милой Полли. Уж та-то никогда не хотела, чтобы меня отсылали.

Старуха Салли вздохнула, как вздыхали христианские мученики перед тем, как в очередной раз взойти на арену со львами. *Ну вот, опять.*

– Что ж, попробуем иначе. Мисс Меррит, почему вы ударили мисс Трезелтон в глаз?

Никому не нужна причина зарядить в глаз Терезе Трезелтон – таков был бы честный ответ. Она просто входит в комнату, и готово.

Но Старуха Салли жаждала фактов, так что я ей их охотно предоставила:

– Мисс Трезелтон воткнула в меня иголку. – Подобное преступление не сойдет с рук даже очаровательной богачке Терезе Трезелтон с ее каштановыми кудряшками. – Четвертого размера.

Всем иглам игла!

Директриса со свистом втянула воздух сквозь зубы.

– И где же?..

Я внимательно изучала ногти, внезапно обнаружив, что те, оказывается, представляют собой огромный интерес.

– На уроке рукоделия.

– Нет, где... рана на вашем теле?

Я напустила на себя пуританский вид.

– В том месте, которое-нельзя-называть.

Старуха Салли опять пристукнула кулаком по журналу.

– Я не позволю, чтоб какая-то девчонка так со мной разговаривала! Бросьте свои штучки, юная леди. Куда именно она воткнула иголку?

– Мне в задницу.

Директриса снова втянула воздух сквозь зубы, да так громко, что свист мог бы служить маяком для кораблей в тумане Ла-Манша.

– Мэйв Меррит! Где вы набрались подобных словечек?

Сделайся я еще хоть немного благовоспитаннее, нимб ослепил бы окружающих.

– А это вас не касается.

Глава 2

Сквернословие. Именно за него я была лишена двух дней учебы, и плевать, что пропущу уроки или потом провалю экзамены. Меня поставили на разбор мусора. По словам мисс Саламанки, подобное занятие пойдет на пользу моему вздорному нраву или что-то в этом роде.

Мол, раз я веду себя как уличная рвань, разговариваю как уличная рвань, уличной рвани самое место у помойки, заодно и распробую, насколько мне это понравится.

Я не слишком возражала. Разве что пованивало тут.

Ладно, вру. Разбор мусора я сразу возненавидела. Впрочем, не так, как ненавидела уроки французского мисс Гюнтерсон.

Прежние гувернантки, еще до того, как маменька доверила мое воспитание пансиону, тоже пытались исправить мой характер наказаниями. Не вышло. Эти дамы никогда не задерживались на своей должности. Всех мисс эмм и мисс шарлотт я пережевала и выплюнула. Возможно, мои дни и в стенах школы мисс Саламанки уже сочтены. Будь выбор за мной – их нисколько бы не осталось.

Выдался холодный декабрьский денек. Второй день разбора мусора. Ветер кусал мои ноги в чулках, забираясь вверх под юбки. Сквозь толщу облаков едва проглядывало солнце, близился закат. Каких-нибудь полчаса, и меня позовут

мыться и ужинать на кухню, подальше от накрахмаленных передников и чувствительных носов остальных благовоспитанных юных леди, которые не запятнали себя наказанием, по крайней мере до сих пор.

В резиновых сапогах и плотных холщовых перчатках я просеивала мусор в баках, рылась в компостной куче и заглядывала в водостоки, отделяя жестяные банки и хлам, который можно было сжечь в печи, от каминной золы и прочих отбросов – того, что заберет мусорщик.

Лицо мое покрылось сажей, в легкие будто насыпали ведро пепла. Перчатки пропитались склизкой кашецей из гнилых яблок и капустного супа.

Вздумай я сбежать в извилистые лондонские улочки и переулки и затеряться там, меня бы мигом отыскали: «Сержант, беглянка – тощая девчонка лет эдак тринадцати, в резиновых сапогах и серой школьной форме. Смердит, как компостная куча».

Пару раз я задавалась вопросом – что сказали бы мама с папой, узнай они, как платят за то, чтоб я рылась в мусоре, выбирая консервные банки и тряпки. Отец всегда был прижимистым.

Он работал старшим клерком, хотя до члена правления еще не дослужился, в Банке и трастовом фонде Михаила Архангела. А маменьку, чья голова забита дамскими обществами, покупкой шляпок и сдуванием пылинок с моих старших сестер Полидоры, Деборы и Эвангелины – «скоро выйдут за-

муж, хвала небесам», – вероятно, мало озаботило бы, что я роюсь в помойке. Разумеется, при условии, что наши знакомые об этом не узнают.

Хотя вообще-то с Полидорой мама не особенно сюсюкалась. Полли вообще не из тех, с кем можно сюсюкать. Наверное, потому я и люблю ее сильнее всех сестер. Для пустого вздора Полли слишком здравомыслящая. А вот Дебора и Эвангелина...

Моим старшим сестрам позволили бросить школу в двенадцать лет. Маменька твердо верила, что чрезмерное образование портит хороших девочек. Папина чековая книжка была только за.

Обо мне же родители говорили: живое воображение необходимо поощрять и усмирять, причем как можно дальше от дома, там, где я не смогу эпатировать соседей и позорить семью вылазками из окна спальни и оскорбительным панибратством с мальчишками. Игры в шарики, классики, обруч и камешки – особенно с ребятней не своего круга – скандал и грех. Что ж, если так, в загробной жизни я предпочту геенну огненную.

Это куда лучше, чем играть в куклы и устраивать чаепития с чопорными девчонками вроде тех, с которыми маменька надеялась научить меня общаться. Легкомысленными дочками ее чирикающих подружек.

– Давай, пошевеливайся! – Из окна, приоткрыв ставни, высунула красный нос миссис Грубойл (кухарка и окаянная

погибель всей школьной прислуги), дабы напомнить, что не спускает с меня глаз. – До ужина все должно быть сделано.

Ставни захлопнулись.

Страдания и напасти. Вот ради чего родители отсылают дочерей в подобные пансионы, где полно злобных и желчных людей. Чтобы отравлять юные жизни доброй порцией страданий. Так поделом же родителям, что деньги потрачены зря!

Вдруг на той стороне переулка я заметила какое-то движение. Это оказался тщедушный рыжий мальчишка, который подсматривал за мной из-за калитки своего сада. Сирота из Миссионерской ремесленной школы и приюта для мальчиков. Та еще дыра.

Я нахмурилась и пригрозила хулигану камнем. Рыжий пригнулся и исчез из вида. Мы не были с ним знакомы – я даже не знала его имени, но большинство сирот из воспитательного дома успело проведать о моей меткости. Я подслушала, как один из них сказал, мол, жаль, что я не играю в крикет. Если бы девочкам разрешалось участвовать, я бы, по его словам, стала неплохим подающим. Эх, знали бы эти мальчишки!

Но погода в декабре не располагала к крикету, а мне нужно было закончить с грязной работой. Подойдя к следующему баку, я запустила руку в золу, пошарила и выудила нечто плоское и тяжелое.

Банка консервированных сардин, запечатанная! Не может

быть. Как она оказалась среди отбросов? Наша кухарка, Грубойл, была от сардин без ума. Если честно, от нее все время воняло рыбьим духом. Представить не могу, чтоб она выкинула целую банку.

Я потрясла жестянку и внимательно осмотрела крышку. Под слоем грязи она была очень красивая, даже покрытая эмалью. Я видела подобные коллекционные консервы в витрине зеленщика. «Экзотические сардины султана в соленом масле, производство Восточной Торговой компании, Ливерпуль». Краешком подола юбки я отполировала банку до блеска, чтобы придать ей достойный вид.

Мне показалось – я почти готова была поклясться, – что банка у меня в руках зашевелилась.

– Эй, сардины, вы там до сих пор плаваете? – вслух поинтересовалась я, еще немного потеряла жестянку и чуть ее не выронила. – Видали, благовоспитанные девицы из школы мисс Саламанки! – закричала я, размахивая банкой сардин перед кирпичной стеной, что выходила в переулок. – Заставили вкалывать до седьмого пота, еды пожалели! Да у меня из-за вас руки трясутся!

В ответ миссис Грубойл хлопнула ставнями.

Я уселась на ступеньки черного хода старого пансиона. Повинуясь порыву, обернулась на окна – убедиться, что никто не подглядывает, как я украдкой лакомлюсь сардинами. Я предпочитала, чтобы их подавали с поджаренным хлебом, смазанным маслом и горчицей, но мои собственные пальцы

тоже сойдут. Грубойл, разумеется, и не подумала позвать меня к чаю, когда накрыли для остальных девочек.

Консервы были из новомодных – с ключом на крышке. Я такую банку ни разу не открывала. Дома все это делала кухарка. Но мне доводилось за ней наблюдать, поэтому я сняла ключ, вставила язычок крышки в маленькую прорезь на нем и принялась закручивать его в обратную сторону.

Крышка приоткрылась, и наружу повалил густой серный чад.

– Фу-у! – Я зажала нос, отмахиваясь от гнилостной вони. – Испортились!

Дым клубился у меня над головой и не переставая валил из жестянки. Я швырнула ее на землю и принялась разгонять смрад шарфом.

– Довольно! – проревел голос из дымного шлейфа.

Я так и замерла. Кто бы это ни был, звучало свирепо. Но поблизости – ни единой души, только ядовитое облако горчично-желтого дыма. Стащив пальто, я принялась им размахивать.

– Я сказал, хватит! – прорычал голос. – Прекрати, о, несчастная, или я порублю тебя на мелкие кусочки и скормлю акулам!

Я мигом сунула руки в рукава. Кому бы ни принадлежал этот голос – должно быть, какому-то душегубу (душегубу из банки сардин?), полагаю, лучше встретиться с ним тепло одетой, а не закованной от холода.

– Кого это ты назвал несчастной?! – вскричала я. – Ты, тухлая рыба голова, да еще и дурно воспитанная!

– Дурно воспитанная? – снова взревел голос, ледяной, как море, и полный презрения. – Там, откуда я родом, девочку с твоими манерами освеживали бы заживо и сожрали на ужин.

Дымок, курившийся из банки, стал закручиваться напоподобие урагана. Ветер отрывал кусочки и уносил по воздуху, основная масса выпускала усики, тщетно стараясь притянуть клочки обратно. Подобного чуда я в жизни не видывала. Уж в Лондоне – так точно, хоть столица и славилась ядовитыми испарениями.

– Я как раз собиралась угоститься тобой за вечерним чаем – слопать вместе с костями и кожей. Так бы и сделала, да оказалось, ты протух.

Закипев от ярости, он обдал меня рыбьим духом.

– Протух? Простая смертная заявляет, что я протух? Вы, людишки, только корм для червей и стервятников. Я, Мермер, знаюсь лишь с воинами и королями. Вельможи и принцы умоляют у моих ног о милости!

– Каких ног?

Дым уже явно приобретал очертания человека. Виднелось что-то вроде головы, рук, массивного торса, а вот ноги сужались в какую-то веревку, которая привязывала призрака к банке сардин.

Я знала! Знала! Мне хотелось кричать, прыгать, танцевать джигу! Это я его нашла – он мой, мой, мой! Джинн из банки!

А почему нет? В наше время чего только не консервируют.

Джинн, мой собственный джинн!

Он был огромным. Вдвое больше любого мужчины. Однако я росла, гоня мяч с деревенскими мальчишками, и с детства намотала на ус – большой рост ничегошеньки не значит.

Джинн заметался, растягиваясь и строя рожи, дергая щеками и разбрасывая в стороны руки. Словно его тело было слеплено из глины, и теперь, после заточения в жестянке, он пытался придать себе правильную форму.

Ох и свирепым на вид оказался этот дьявол! Кожа пестрела зелеными и серыми пятнами, по телу шла рябь, словно волны по океану в грозу. Колючие белые брови нависали над зеленоватыми рыбьими глазами, которые сердито посверкивали. Невероятно нелепые усы – седые и длинные, завивающиеся кольцами, – свисали ниже подбородка. Огромная голова была круглой и лысой, как бильярдный шар.

Он выглядел злобным. Злобным и древним. Возможно, древнее Лондона, а ведь тот восходил к самим римлянам! Однако старческой дряхлости в нем не было ни на унцию: большие зеленые мускулы бугрились силой, хотя вместо ног у него курился лишь дым.

– Мермер... – протянула я. – Забавное имечко. Но я знаю, кто ты на самом деле. Ты – джинн!

Мермер раздул ноздри и сложил могучие руки на груди.

– Разве я просил, чтобы человеческий детеныш указывал мне, кто я такой? Джинн, говоришь? Ничегошеньки ты не

знаешь! – Он возмущенно выдохнул и воззрился на переулок. – Скажи-ка, – потребовал джинн, – что это за место? Чьи владения? Назови имя своего короля и который сейчас год!

Я громко рассмеялась.

– И это я ничегошеньки не знаю?

Мермер лишь наградил меня сердитым взглядом.

– Мы в Лондоне, столице Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, великой Британской империи, – объяснила я не без некоторой гордости.

– Британия... – эхом отозвался джинн.

– Наш правитель, если хочешь знать, – королева Виктория, благослови ее Господь, а год сейчас – тысяча восемьсот девяносто шестой.

– Тысяча восемьсот девяносто шестой? – выпучил глаза джинн. – Это, как там говорится, по христианскому исчислению?

– Время быстро летит, правда? – ухмыльнулась я.

Не знать, какой год, ну надо же!

– Я проспал три сотни лет! – простонал Мермер. – И никто меня не нашел... Постой-ка. Говоришь, вашей империей правит королева?

– Боже храни ее, – немедленно отозвалась я. – С восемнадцати лет правит!

– Женщина? – Джинн схватился за голову. – Молодая женщина... О небеса, неудивительно, что девицы стали

столь дерзкими! Что ж это за мир такой?

Сдается мне, куда более привлекательный, чем тот, откуда родом Мермер. Однако же вернемся к делу. Неужто джинн решил, что может сбить меня с толку и заставить забыть о желанной добыче? Плохо он знает Мэйв Меррит!

– Смелее, – потребовала я, – признайся. Ты – джинн. Самый настоящий! Я много о них читала. Тому, кто тебя нашел, ты должен исполнить три желания. А тебя нашла я! Значит, ты – моя собственность. Таковы правила.

Мермер метнулся ко мне, и его гигантская физиономия оказалась в паре дюймов от моего лица.

– Тогда загадывай желание, неоперившийся птенец, – негромко процедил он. – Загадывай первое прямо сейчас – самое лучшее, какое сумеешь придумать.

Он парил надо мной, внимательно наблюдая.

Загадать прямо сейчас желание? А почему нет? Чего ждать? Хотя... разве не стоит сначала как следует все обдумать?

– Давай, – велел джинн, – попроси меня о чем-нибудь. Ты же не боишься? Ты ведь не какая-то слабоумная малявка, которая не способна измыслить ни одного самого крошечного, жалкого желания?

Окажись на месте Мермера какой-нибудь соседский мальчишка или сирота из переулка, у него бы сейчас ныла челюсть, а у меня – кулак. Но надавать тумачков джинну, вероятно, не лучший способ завязать дружбу.

Погладив подбородок, я медленно обошла Мермера кругом, притворяясь, что придумываю желание, а на самом деле разглядывала добычу. На нем был жилет из переливающейся рыбьей чешуи и вышитая юбка, застегнутая на манер килта на талии. Поверх нее, как пояс, повязан желтый шелковый кушак. В мочке уха болтался толстый серебряный обруч, а на шее – я не совсем разглядела, но почти готова поклясться, – висел огромный акулий зуб на кожаном шнурке.

– Не можешь ничего придумать, правда? – ухмыльнулся Мермер, сложив мощные руки на груди. – У тебя не хватит духу мной командовать!

За полными бирюзовыми губами джинна скрывались заостренные, похожие на акульки, зубы.

– Откуда мне знать, что дело того стоит? – спросила я. – Как я пойму, что ты правда исполняешь желания?

Он оскалил острые клыки, прищелкнул пальцами, и в тот же миг рядом возник поджарый тигр, длиной едва ли не в половину переулка. Тигр изготовился к прыжку. Мермер впился взглядом в мое лицо и нахмурился. Снова щелкнул пальцами, и тигр исчез. Теперь вместо него извивалась кобра – змеиная голова с раздувшимся капюшоном завораживающе двигалась вперед и назад.

Вот это да!

Поняв, что я совершенно не боюсь, Мермер разозлился. Его глаза метали злые искры. Щелчок! И кобра превратилась в гигантского вепря с вздыбившейся щетиной на загривке и

горящим красным взором.

Мне еще не доводилось оказываться так близко с кроваж- жадным монстром, не считая сестрицы Эвангелины, пока та не выпила чаю на завтрак.

– Гениально! – воскликнула я. – А медведя наколдовать можешь?

Зеленое лицо Мермера побагровело от ярости.

– Скудоумная девчонка! Сильные мужи трепещут при ви- де моего зверинца!

– А осьминог у тебя есть?

Но тут миссис Грубойл снова хлопнула ставнями и высу- нула нос в окно. У меня замерло сердце. Если хоть кто-то из школы мисс Саламанки увидит моего зеленого исполина, непременно пожелает его присвоить! А он – мой! Я весь день напролет рылась в мусоре, нашла джинна и теперь не позво- лю ему ускользнуть.

Но миссис Грубойл не имела привычки рассматривать улицу. Над землей парил полуголый лысый великан с зеле- ной кожей, кухарка краем глаза заметила его, но достойным интереса не сочла. Взрослые все такие: не допустят и мысли о чем-то невозможном.

Грубойл повела носом и нахмурилась:

– Ну и вонищу вы подняли, мисс Мэйв! Кому сказано – убирайте все эти жестянки и отправляйтесь мыться. – Она снова хлопнула ставнями.

Мермер, павлин эдакий, кажется, оскорбился, что его не

заметили.

– Полезай-ка лучше в банку, – сообщила я ему. – После еще побеседуем.

– А вот и не полезу, – простер джинн огромные руки, опоясанные кольцами темных синих и зеленых татуировок. – Я не желаю больше с тобой разговаривать.

Я поднырнула под него, схватила жестянку и принялась крутить ключ в обратную сторону, разматывая крышку. Если вскрыть обычные консервы, запечатать их уже не получится, но я рискнула попробовать – вдруг эта банка отличается?

И оказалась права. Банка стала закрываться, втягивая Мермера внутрь.

– Прекрати! – Джинн раздулся еще больше и навис надо мной, впиваясь мне в глаза зелеными рыбьими очами. Он сжал кулаки, и мускулы его угрожающе налились. – Предупреждаю, птенчик, опасайся моего гнева! Тысячи жизней не хватит заставить Мермера забыть об...

Но тут струя дыма утянула джинна в жестянку, как морской канат на катушке тянет якорь. Зеленое туловище опять обернулось желтым чадом, его всосало в банку, крышка захлопнулась, ключ вернулся на место, и консервы стали как новенькие.

Я сунула банку в карман и побежала в школу.

Глава 3

– А ну-ка отвернитесь, барышни. Замарашка-Мэйв идет за водой и черствой коркой! – высоко задрав нос, провозгласила я, точно копируя Терезу Трезелтон.

То-то бы вытаращилась Тереза, узнай она, что я прячу в кармане.

Ужин закончился. Девочки собрались в гостиной на третьем этаже, в общем холле, где располагались спальни седьмого класса. Примостившись возле раковины на кухне, я съела свою порцию: картофель без масла и едва теплое куриное крылышко, в напоминание о моем унижительном опальном положении. Из столовой доносился запах цыплят с пюре – с пылу с жару, – подливки и горячего яблочного пирога.

Ну и плевать. Еда меня не волновала: голова моя была занята удивительным открытием. Джинн! Здесь, в Лондоне, в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году. Вот тебе и на... Мир стоял на пороге двадцатого века, а я нашла джинна. Прямо как в сказках «Тысячи и одной ночи». Сколько раз я читала позолоченный томик Полли и завидовала Аладдину!

Вымыв за собой посуду, я поднялась по лестнице. В гостиной я наткнулась на Терезу, сидевшую в окружении своей свиты.

Отец Терезы управлял крупной судоходной компанией,

что ставило его по уровню богатства на одну доску с лордами и гарантировало дочери мистера Трезелтона положение самой противной и одновременно самой желанной ученицы в любой школе-пансионе в Британии, за исключением тех, куда посылали дочерей настоящих лордов.

Синяк Терезы из черно-лилового превратился в просто лиловый с желтоватой каймой. Она напоминала анютины глазки с обоев в кабинете мисс Саламанки.

– Мэйв Меррит, – промурлыкала Тереза и приторно улыбнулась. – Бедняжка, два дня напролет копаешься в мусоре. А все потому, что тебя так и не научили манерам, подобающим юной леди.

Фаворитки последовали ее примеру.

– Так любезно с твоей стороны, что ты меня жалеешь, до-рогуша, – хмыкнула я. – А ведь это тебя следует пожалеть, мисс Фингал.

Тереза вскочила со стула.

– Немедленно возьми свои слова обратно!

– И не подумаю.

Ее руки сжались в кулаки.

– Ты должна мне синяк! – воскликнула Тереза, и в ответ я выставила подбородок, чтобы ей было сподручнее меня ударить.

– Ну давай. Я постою смирно.

Я знала: она никогда не осмелится.

Тереза кипела от злости, ее нижняя губа блестела от слю-

ны. Девчонка посмотрела на свой кулак, будто уже ободрала его о мою челюсть, а потом разжала руку.

– Все равно ты омерзительна, – заявила она. – Только взгляни на себя. Чумазая, как трубочист.

– Еще омерзительнее, – подхватила Онория Брисбен, главная прихлебательница Терезы, задиристая девица с узким личиком, напоминающим мордочку ласки. – Трубочисты не воняют помоями.

– Ты нюхала трубочиста, Онория? – притворно удивилась я. – Хорошенькая же у тебя компания! Доброй ночи, леди. Я собираюсь принять ванну и лечь в постель. Не сотрите языки об сплетни.

Покинув гостиную, я отправилась к себе в спальню. Знаю, я держалась нахальнее, чем следовало, так и напрашиваясь на возмездие – вероятно, мне отомстят, пока я принимаю ванну, – но мысль о всемогущем джинне у меня в кармане придавала смелости. Пусть Тереза, Онория и остальные украдут все мои чулки и нижние юбки – подумаешь! Мой джинн наколдует мне одежду, достойную самой королевы, а еще лучше – мужской костюм для экспедиции в джунгли. О! Великолепная идея – надеть брюки. Какой скандал! Впрочем, потом я как следует все обдумала и пришла к выводу: если Мермер может исполнить лишь три моих желания, не стоит тратить одно из них на какие-то тряпки.

Посему, на случай, если Тереза и Онория вынашивают недобрые замыслы, я набила саквояж своими пожитками и

взяла в ванную, где можно было запереться изнутри на время мытья.

Ванна сотворила чудо. Я уже чувствовала себя куда лучше, когда приволокла саквояж, жестянку с сардинами и все остальное обратно в спальню и приготовилась нырнуть в постель. На мне была свежая ночная сорочка, а кожу стянуло от мыла – прекрасное ощущение чистоты, которое означало, что я избавилась даже от мельчайших пылинок, оставшихся после разбора мусорных куч.

Откинув покрывало с кровати, я ахнула.

Прямо на белых простынях лежала записка, нацарапанная большими неровными буквами, которые гласили:

«Я знаю о твоём зеленом парне».

Глава 4

– Какой жуткий холод, Мэйв! – воскликнул голос позади меня. – Зачем ты открыла окно?

Я слишком увлеклась запиской и совсем забыла об Алисе Бромли, с которой мы делили спальню в пансионе мисс Саламанки. Узнав Алису получше, я поняла, что она – славная девчушка. Когда мы только познакомились, Алиса показала мне хорошенькой дурочкой, которая никогда бы не посмела запачкать руки или поцарапать обувь.

Я ошибалась.

Алиса здравомыслящая, хоть и немного робкая. Правда, чересчур трепетно относится к правилам. Но добра, как само Рождество, и преданна как никто. Не заглядывает в рот Терезе Трезелтон день напролет, подобно остальным. Алисе нет дела ни до Терезы, ни до школы. Она тоскует по дому и любимым бабушке с дедушкой. Можно ли ее за это винить?

До сегодняшней находки я бы сказала, что соседство с Алисой – единственное хорошее событие, которое случилось со мной в пансионе мисс Саламанки.

– Что это ты читаешь? – спросила Алиса, заглядывая мне через плечо. – Какой ужасный почерк. «Зеленый парень»? Кто это? – Она захихикала. – У тебя есть зеленый парень, Мэйв?

Я уронила записку на кровать.

Алиса меня не предаст, вот только поверит ли она мне?

Ледяной ветер обдувал мои влажные волосы. Задрожав от холода, я подошла к окну и задвинула створку.

– Я его не открывала. Должно быть, горничная... О!

Внизу, на задах приютского сада, в свете, что падал из кухни сиротского дома, я заметила рыжего мальчишку. Он наблюдал за окном спальни, прячась за дровяным сараем. Даже в сумерках нельзя было ни с чем спутать рыжие волосы, выбивающиеся из-под кепки.

Я ждала.

– Что там? – Алиса выглянула в окно вместе со мной. – Ничего не вижу.

Мальчишка высунул голову и, заметив, что мы наблюдаем, тут же нырнул обратно.

Так, значит, вот кто шпион, который грозит отнять мою тайную добычу! Что ж, еще посмотрим...

– Там мальчик. – Алиса легонько толкнула меня локтем в бок. – А ты стоишь у окна в сорочке, глупая гусыня! – Она плюхнулась на кровать и начала расшнуровывать ботинки. – Ты сегодня такая загадочная, Мэйв. Решила, что это грабитель?

– Это не грабитель. Тот мальчишка залез к нам в окно и оставил записку. – Я плотно задернула занавески, свернула разоблачающую улику и спрятала в саквояж. Пусть юный мистер Морковка увидел моего великана, больше я этого не допущу.

– Наверное, он умом тронулся... – Алиса стянула ботинок. – Бедные сиротки! От отчаяния и горя лишились рассудка...

– Ну и вздор, – возразила я. – Ты добрая душа, Алиса, но эти «бедные сиротки» такие же пройдохи, как остальные мальчишки. Дома, в деревне, мы с ними...

– Похоже, дома у тебя была на диво безрассудная жизнь, – вздохнула Алиса и принялась за пуговицы на высоком воротнике своего платья. – Я бы и на половину подобных приключений не решилась. Что сказала бы бабушка?

– О том, чего она не знает, твоя бабушка ничего бы не сказала. – Я затолкала саквояж под кровать, а драгоценную банку сардин убрала в карман халата, который повесила на крючок у постели.

Надо бы придумать тайник получше, но пока хотелось держать сокровище под рукой.

– Я скучаю по бабушке, – задумчиво протянула Алиса, а потом вдруг просияла. – Кстати, о записках! Тебе пришло письмо из дома.

Из кармана передника она вытащила конверт и протянула мне.

Письмо написала старшая и моя самая любимая сестра Полидора. Единственная из трех моих сестер, чья голова не была напрочь забита модными журналами. Высокая, худая, в очках и без брачных перспектив. Только Полли из всех домашних писала мне регулярно. Мама – ха! – вообще этим

почти не утруждалась.

Я вскрыла конверт и просмотрела первые строки, выведенные аккуратным ровным почерком.

«Дорогая Мэйв! Как же меня повеселило твое последнее письмо! Однако не стоит так легкомысленно отзываться о своих учителях – это граничит с неуважением и помешает тебе обогащаться знаниями. Мама и папа шлют тебе привет (*Интересно, правда шлют или Полли просто, как обычно, проявляет вежливость?*), Дебора и Эвангелина – тоже (*Понятно – точно вранье*). Все мы ждем не дождемся, когда ты приедешь на Рождество... (*Пф-ф... держу пари, не все! Мамочка, должно быть, при одной мысли о моем возвращении домой покрылась крапивницей.*) С тех пор как объявили о помолвке Эвангелины, в доме царит переполох. Дверной колокольчик то и дело звонит, провозглашая о нескончаемом потоке торговцев, что несут показать шелка, кружево, бумагу для приглашений и засахаренный миндаль для званого вечера. Мать купается в своей стихии, а отец тревожится о счетах...»

Я убрала письмо в карман халата: почитаю потом. Я всегда любила получать весточки от моей милой Полли, но сейчас она писала какую-то ерунду, а у меня забот выше крыши – недосуг ужасаться стоимостью фаты Эвангелины. Вот завтра, на уроке французского, я с радостью отвлекусь, потому

и решила прочитать позже.

Забравшись под одеяло, я лежала и представляла, какие желания загадаю своему джинну.

Алмазные копи Борнео! Серебряные рудники Перу! Не то чтобы больше всего на свете я желала богатства, но к деньгам относилась всерьез. Обзаведись я мешками серебра, золота и бриллиантов, никто больше не смог бы запихнуть меня в колючее серое платье из саржи или заставить спрягать французские глаголы, чтобы однажды я нашла себе идеального супруга – можно подумать, я собираюсь выйти за француза.

Мама отправила меня в школу мисс Саламанки, чтобы я превратилась в благовоспитанную юную леди, а потом, через несколько лет – судя по Эвангелине, очень скоро, – вышла замуж. Это единственный пристойный способ избавиться от дочери. Не то что в старые добрые времена Генриха VIII, когда родители сплавляли дочерей в аббатство, где те становились монахинями.

Я хотела иной жизни. Независимости. Путешествий. Спортивных игр! На все это требовались деньги.

Но с джинном в руках – буквально – кто мне помешает? Я могу объездить весь мир, как мисс Изабелла Берд¹. Купить огромное поместье, а на месте сада разбить лужайку для крикета и пригласить лучших игроков страны!

¹ *Изабелла Люси Берд* (1831–1904) – британская исследовательница, писательница и натуралистка, стала первой женщиной – членом Королевского географического общества Великобритании.

Только они обязательно должны позволить мне ударить по мячу. И надеть форму и кепку. О! Лучше создам команду девочек и научу их играть. Мы организуем целую лигу! И женский крикет с моей помощью распространится на Британских островах.

Мэйв Меррит – юная путешественница и чемпионка мира среди женщин по игре в крикет!

От разыгравшегося воображения сердце так и колотилось. Наконец я решила открыть секрет Алисе. Эту тайну, фантастически огромную, потрясающе удивительную, не в силах вынести один человек. Он просто взорвется. Кроме того, на месте Алисы я бы хотела знать. И потом держала бы рот на замке. Друзья есть друзья.

Я села в кровати.

Алиса распустила волосы цвета сливочного масла и принялась расчесывать их перед сном.

– Алиса... – позвала я, – ты умеешь хранить секреты?

Подруга заинтересованно приподняла брови и пересела на мою кровать, устроившись в ногах.

– Конечно, – прошептала она. – Это про того мальчишку из приюта?

Я с отвращением сморщилась.

– Нет! Это фантастический и необычный секрет. Ты не поверишь! Только помни – не говори ни единой живой душе...

Алиса придвинулась ближе.

– Клянусь могилой матушки! Пусть меня терзают раскаленными щипцами, я никогда...

– Ну будет, будет тебе... – Раскаленные щипцы, выдумала тоже. Я достала из кармана халата банку сардин.

– Это твой секрет? – разочарованно протянула Алиса. – Банка сардин? Не люблю сардины, предпочитаю копченую селедку.

– Нет, глупышка, – ухмыльнулась я. – Это необычные сардины. – Я понизила голос еще больше и сказала: – Там, внутри, джинн.

Алиса поджала губы и наградила меня долгим взглядом.

– Снова подшучиваешь надо мной, Мэйв? Это розыгрыш? Я покачала головой.

– Честью клянусь: нет! – прошептала я. – Показала б тебе его прямо здесь, но нас тогда тут же поймают. Я нашла его сегодня в мусорном баке, пока отбывала провинность. У меня на глазах, прямо там, в переулке, он наколдовал тигра и кобру. Верно как день: он вылез из этой самой жестянки.

– Я думала, джинны живут в лампах, – возразила Алиса. – Что он забыл в банке сардин? И как такая банка оказалась здесь, в Лондоне, в мусорном баке школы мисс Саламанки?

– Не представляю. – Жестом я попросила подругу говорить тише. – Но он там. Прямо там! И он исполнит три моих желания. Только подумай, Алиса! Любые три самых заветных желания. Пока не знаю, что выбрать: я могла бы отправиться во Флоренцию, Венецию, Иерусалим, Константино-

поль. Или в Каир, в Гизу – взглянуть на пирамиды! Я могла бы поехать в Конго, побывать на сафари...

Алиса заплела косы и вернулась на свою кровать.

– Джинн в Лондоне, в наши дни, – задумалась она. – Из банки с сардинами. – Она улеглась, но тут же вскочила снова. – Говоришь, его заметил тот сирота из соседнего приюта?

– Ну да, – кивнула я. – Иначе зачем бы он стал подбрасывать мне записку?

– «Я видел твоего зеленого парня», – повторила она сама себе. – «Твоего зеленого парня»...

Кажется, Алиса начала мне верить, хотя мне не нравилось, что ее скептицизм поколебала записка мальчишки, а не мое собственное признание. Может, я порой и преувеличиваю – исключительно ради красного словца, – но всегда говорю правду. В основном. Вру только людям, которые правды не заслуживают, – таким, как Тереза.

– Что, если он снова попытается пробраться к нам в спальню и стащить твоего джинна? – спросила Алиса.

Я хлопнула себя по лбу. Моя милая, здравомыслящая Алиса!

– Конечно, попытается! Нужно подготовиться к его вторжению.

– Но как?

Я призадумалась.

– Эх, сюда бы мою крикетную биту... Но она спрятана дома так, чтобы мама и папа в жизни не отыскали. – Тут мой

взгляд упал на умывальник. – Кувшин с водой – неплохое оружие для начала. Сбегаю в ванную комнату, наполню его.

Я набросила на плечи халат, схватила с умывальника кувшин и выглянула из спальни. В полумраке коридора перешептывались две девочки в ночных сорочках, приоткрыв двери своих комнат, что располагались напротив друг друга. Это были Тереза Трезелтон и Онория Брисбен.

Завидев меня, обе быстро захлопнули двери. Послышалось хихиканье. Маленькие пакостницы! Думают, мне есть дело до их мерзких секретиков?

Я бросилась по коридору, но, пробегая мимо спален девочек, запнулась о какое-то препятствие, полетела вниз и с ужасающим грохотом приземлилась. Лоб с болезненным треском врезался в пол. Я попыталась замедлить падение рукой, но лишь угодила ею прямо в левый глаз. Кувшин разлетелся на тысячи осколков. А бедром я ударилась о банку сардин, что лежала в кармане. Разумеется, на ноге сразу начал зреть омерзительный синяк, который будет цвести несколько дней.

Сквозь головокружение я услышала звук: из спален по обе стороны коридора доносился приглушенный неудержимый смех. Вытянув шею, я оглянулась и увидела поперек коридора туго натянутую веревку, зажатую дверями.

Западня! Они специально расставили на меня сети – в отместку за то, что я поиздевалась над Терезой. А теперь злорадствуют, укрывшись в комнатах.

Голова кружилась от боли. Руку покрывали порезы от осколков кувшина, нога пульсировала, а под глазом наливалась огромная шишка – если не будет фингала, значит, я лепрекон.

Гнев ослепил меня. Я поднялась на колени, вытащила жестянку из кармана и нащупала окровавленными пальцами ключ.

Коридор наполнился запахом серы.

– Опять ты, – простонал Мермер. – Я возносил молитвы в своей темнице, чтоб ваше племя поработили воины и обнаружили меня среди добычи.

– Не повезло тебе, – отрезала я. – Поблизости ни одного воина.

– Зачем ты пресмыкаешься на земле подобно червяку? Ты обрушила на меня всю тяжесть пирамид.

Тереза Трезелтон приоткрыла дверь своей спальни. В сумерках коридора она – с этим ее бледным лицом, белой ночной сорочкой и каштановыми косами, заброшенными за спину, – смахивала на призрак.

– Мэйв, дорогая... – начала Тереза сиропно-сладким голосом, полным фальшивой заботы. – Неужели упала? Боже, какая ты неловкая...

И тут у нее отвисла челюсть. Тереза увидела Мермера! Если я попрошу, джинн ведь ее прикончит?

Мой левый глаз так сильно заплыл, что даже не открывался. Из-за двери с хихиканьем показалась Онория Брисбен.

Ее косы ниспадали на плечи.

Не убийство – лишь месть. Это стоит тысячи желаний. Только нужно сделать все как надо. Не хочется по-настоящему навредить мерзавкам – навредить всерьез. Я же не чудовище. Поэтому решила ударить по их гордости, чтобы как следует проучить.

«Твой зеленый парень».

Косы.

Признаться, долго я не раздумывала, все-таки головой приложились крепко.

– Покрась их косы в зеленый цвет, – прошептала я Мермеру, – такой краской, чтобы человеку было не под силу смыть.

– Неоперившийся птенец оказывается коварен и безжалостен, – насмешливо ухмыльнулся Мермер, сложил руки и изобразил почтительный поклон. – За всю историю мира ни одно желание еще не тратили с таким размахом.

Над головами обеих моих мучительниц вспыхнул свет, подобный ангельскому нимбу. Единственным здоровым глазом я разглядела, что сделал Мермер: косы девчонок стали яркого, переливающегося ядовито-зеленого цвета.

Выполнив желание, джинн скользнул в жестянку и закрыл крышку.

Подруги выглядели нелепо. Те волосы, что прилегали к голове, не изменились. Белокурая шевелюра Онории и каштановая Терезы выглядели точь-в-точь как прежде, зато косы зеленели, точно ядовитые змеи из джунглей Амазонки.

Онория Брисбен перестала хихикать. Не представляю, что именно повергло ее в шок: смутная человеческая фигура в облаке ядовитых испарений, вспышка света или знаменитые косы Терезы Трезелтон, окрасившиеся зеленыю, однако Онория повалилась прямо на меня, словно мешок моркови из лавки бакалейщика.

Потеряв сознание, как и подобает благовоспитанной английской леди в неловкой ситуации, Онория придавила меня к полу. Мисс Саламанка ею бы гордилась.

На лестнице послышались шаги.

И тогда Тереза Трезелтон выкинула номер. Я бы восхитилась ее поступком, если б не жалела, что не прикончила мерзавку. Из корзинки для шитья она достала ножницы, схватила Онорию за косы и парой резких движений их отчекржила, оставив на голове подруги короткую поросль жестоко изуродованных, однако натурально окрашенных волос.

– Что ты творишь? – ахнула я.

Тереза бросила взгляд в зеркало, завела руки за голову и оказала себе такую же любезность. Схватив зеленые косы, она сунула их под подушку, а ножницы бросила к осколкам разбитого кувшина, туда, где все еще лежала я, оглушенная болью.

Из-за угла показалась мисс Саламанка. Она уперла руки в бока и внимательно осмотрела место происшествия. Чтобы разглядеть директрису, мне пришлось вытянуть шею. Онория Брисбен по-прежнему грудой накрывала мое тело.

– Мэйв Меррит, – презрительно сморщила нос мисс Саламанка, демонстрируя очаровательно выступающий передний зуб. – И почему я не удивлена? Что вы сделали с мисс Брисбен?

Я лежала на полу, покрытая кровью и синяками, изнемогая под тяжестью Онории Брисбен, и меня же объявили виноватой? Я бы больше огорчилась сей жестокой несправедливости, да только давно привыкла к подобному отношению.

Тереза тут же подскочила поближе, убедительно заливаясь слезами.

– Она бросилась на нас с ножницами, мисс Саламанка! – всхлипнула мерзавка. – Пришлось отбиваться кувшином!

Мисс Саламанка, сморщившись, плотно сжала губы – ни дать ни взять чернослив на длинных ножках. Я с трудом поднялась на ноги, не заботясь, что станет с Онорией. Но мои движения привели ее в чувство.

– Зеленый человек, – слабо пробормотала она. – Какая жуть...

От острого слуха Старухи Салли ничто не ускользало.

– Что она говорит? «Зеленый человек»? Мужчина? – Тон директрисы, и не впервые, сообщал, что она не в силах постичь, для чего Всевышний создал мужчин.

Тереза помогла Онории подняться, при этом намеренно оттоптал мне ноги.

– Чепуха, – простонала она под весом подруги. – Онория вечно грезит наяву. То ей видятся говорящие лягушки, то

фиолетовые кошки. А теперь – зеленый человек. Отведу-ка я ее в кровать.

– Какая заботливая девушка, так переживает за подругу... – вздохнула мисс Саламанка и осеклась: ее посетила чудовищная мысль: – Как я объясню отцу мисс Трезелтон, что случилось с ее волосами?!

Повернувшись, она бросила на меня устрашающий взгляд.

– Когда закончите убирать беспорядок, который вы здесь развели, мисс Меррит, приходите ко мне в кабинет. Сегодня вам не грозит мягкая постель и задушевная болтовня с соседкой по комнате.

Глава 5

На следующее утро еще до рассвета, перепачканная углем, я проковыляла в свою спальню. Мисс Саламанка наказала меня ночевкой – вернее, бдением – в угольном чулане. Под утро она выпустила меня переодеться, велев поскорее вернуться и продолжить отрабатывать провинность.

Чулан с углем находился возле кухни, рядом со спальней миссис Грубойл, потому вызвать Мермера я не посмела. Все равно он бы не влез в тесную каморку. Хотя, если подумать, в банке сардин джинн поместился, наверное, и с чуланом бы как-нибудь справился. Однако я слишком злилась на себя за то, что потратила желание впустую, а главное – позволила Терезе Трезелтон увидеть Мермера, поэтому не могла даже думать о новом. Нужно загадывать осмотрительнее. Уж в следующий раз я использую джинна на всю катушку.

Косы! Целую ночь я терзалась от собственной глупости. Почему я попросила выкрасить косы, а не всю голову? Сама предоставила Терезе шанс отрезать и спрятать улики! Надо было сделать обеих девчонок зелеными с головы до пят!

Я как наяву услышала ворчание матери: «Мэйв Меррит, и когда ты только научишься думать?!»

Проходя по коридору, я увидела, как из своей комнаты вышла Виннифред Херциг. Заметив мою испачканную в угле физиономию и одежду, Виннифред разинула рот.

– Иди куда шла, Винни, занимайся своими делами.

– Не будь такой грубой, Мэйв, – сказала она вслед моей удаляющейся спине. – У меня столько же прав находиться здесь, сколько у тебя.

И вовсе я не грубая, сказала я себе. Просто не в настроении выносить испытующий взгляд крошки Винни и тысячи ее вопросов. Она не была столь мерзкой, как Тереза и ее прихлебалы, просто из тех, кто хвостом таскается за тобой и разносит сплетни, точно моровую язву. Винни обожала плести небылицы.

Я вошла в нашу спальню. Алиса, которая еще не вставала, при виде меня тревожно вскрикнула.

– Ты такая грязная! И вся в синяках, будто боксер. И это после славной ванны!

Я стянула халат, бросила его на пол, но вспомнила, что банка сардин до сих пор в кармане, и вытащила ее.

– Мисс Саламанка назначила мне еще два дня грязной работы. Что же делать с джинном? Если его найдут, все пропало!

– Положись на меня, – заявила Алиса, забирая банку. – Я спрячу ее там, где больше никто не отыщет. О, Мэйв! Прощлой ночью я все видела. И джинна, и то, что натворила Тереза. Господи, как это создание меня перепугало. – Она прикусила губу. – Мне кажется, ты немного поторопилась, Мэйв.

Я хотела взять кувшин и умыться, но вспомнила, что тот разбился вдребезги.

– Что скажут все, когда увидят Терезу и Онорию? – задумалась Алиса. – Короткие, как у мальчишек, волосы... Дрожь берет при одной мысли!

– Только не проболтайся, что это сделал джинн! – взмолилась я. – Пусть верят вранью Терезы.

– Мисс Меррит, – донесся снизу голос директрисы. – Хватит валять дурака! Ботинки всех воспитанниц должны быть отполированы до завтрака.

Пришлось еще два дня под сердитым, налитым кровью взором миссис Грубойл таскать на кухню уголь, сгребать просеянную золу в лари, чистить картошку и мыть окна. И хотя мне было запрещено разговаривать с другими воспитанницами, краем уха я все равно слышала, что сплетни о моем покушении на драгоценные косы Терезы как оспа распространились по всей школе.

Большинство девочек с огромным удовольствием гадали: как же в итоге накажут Мэйв Меррит? Возможно, медленно поджарят на вертеле? Однако несколько младших учениц, похоже, начали меня побаиваться, будто я могла в любой момент с ножницами наброситься на их волосы.

От этого становилось как-то не по себе. Потрепанная наружность только придавала мне более опасный вид. Всякий раз, когда я проходила мимо, Виннифред Херциг, нервно сжимая в руках косы, спешила от меня укрыться. Случалось это довольно часто: Виннифред была из тех, кто вечно крутится под ногами. Есть у некоторых подобный дар.

Моим родителям отправили письмо с самыми строгими предупреждениями. Ну и пусть Старуха Салли меня исключит, пусть отец меня заберет, мне-то что?

Когда я ходила выбрасывать мусор, рыжий мальчишка из переулка не единожды порывался ко мне подойти, однако я так злобно зыркала на него, что он, поколебавшись, отворачивался.

Вот и славно. Если бы гаденыш не шпионил за моим джинном и не лазил ко мне в спальню, ничего бы не случилось. Возможно, заметив мои синяки, мальчишка растерял решимость.

Прошло два дня, наступило воскресенье. Даже таким нечестивым созданиям, как я, приходилось соблюдать священный день отдыха. Я сидела в церкви, зажата между Алисой и твердым подлокотником скамьи, и разглядывала затылки Терезы и Онории. Из-под соломенных шляпок щетинились короткие волосы натурального цвета. По крайней мере, я не заметила ничего зеленого. Чтобы скрыть отсутствие локонов, мисс Саламанка украсила шляпки свисающими черными лентами. Выглядело так, будто девочки в трауре.

Проповедь пастора все тянулась и тянулась. Холодный ветер в продуваемой насквозь часовне мешал вздремнуть. Детишки зеленщика, что сидели через проход, то и дело таранились на мой синяк, пока мать их не ущипнула. Я скорчила им рожи, малыши захихикали, и тогда мисс Гюнтерсон, на-

ша учительница французского с тяжелым подбородком, которая француженкой отродясь не была, состроила мне предупреждающую гримасу. А я-то думала, в церкви кривляться запрещено. Наверное, всем, кроме учителей французского.

– ...вчера твои вещи, – еле слышным шепотом выдохнула Алиса.

Я повернулась, чтобы прочитать по губам.

– Что?

– Ш-ш... – прошипела она, кивнув на скамью впереди, и одними губами произнесла: – Тереза копалась в твоих вещах. Я ее застучала.

Заиграл гимн, и мы поднялись.

– Но ведь она ничего не нашла? – спросила я.

Соседка по комнате одарила меня легкой улыбкой. Я задумалась, не загадать ли еще одно желание, чтобы наказать Терезу Трезелтон как следует? Нет, дело того не стоит, но если б только...

Начался гимн, Алиса запела. Надо признать, у нее чудесный голос, хотя музыку я не слишком жалую. Алиса посещала уроки частного преподавателя, который раз в неделю приходил в пансион, чтобы заниматься с ней постановкой голоса.

Тереза тоже надеялась добиться успехов в пении, но ее тембр был несравним с голосом моей подруги, что меня безмерно радовало.

– «Чем отплатить мне Англии, что так ко мне щедра? – пропела Алиса последний куплет. – Стать верным ее отпрыском и жить ради добра».

От этих слов у меня всегда начинался нервный зуд. Я не понимала, при чем тут религия. И когда это Англия была ко мне щедра? А нас так часто заставляли петь этот гимн!

Когда служба закончилась, мы направились по центральному проходу к большим дверям мимо скамей, где сидели сироты из приюта. Рыжий мальчишка тарасился на меня. Я прошла дальше, высоко задрав нос, словно и не заметила жалкого воришку.

Мы вернулись в школу. После воскресного обеда, состоявшего из холодной говядины с горчицей и хлеба с маслом, мисс Саламанка объявила, что сегодня – день посещений. Я хотела убрать со стола посуду, но директриса не позволила.

– Ваша мать сообщила письмом, что навестит вас нынче, – холодно провозгласила она, – дабы побеседовать о вашем неподобающем поведении.

Я вздохнула. Для очередных нотаций я была не в духе.

– Наш главный покровитель, мистер Альфред Трезелтон, тоже совершит визит в пансион, – продолжила мисс Саламанка. Лицо ее приобрело особенно серый оттенок. – Надеюсь, мне не нужно напоминать вам, что в гостинной вы должны вести себя более чем благопристойно. Если мистер Трезелтон обратится к вам – в чем после вашего гнусного нападения на его дочь я не сомневаюсь, – вы смиренно выслуша-

ете его недовольство. Я понятно выражаюсь?

Я кивнула. На ее рот порой было невозможно не тарашиться.

Мисс Саламанка сжала губы в ниточку, спрятав свои поразительные зубы.

– Если бы ваша мать не выбрала для визита эту неделю, я бы и на милую не подпустила вас к гостинице в день посещения. Но теперь уже ничего не поделаешь.

* * *

Все девочки поднялись наверх, чтобы снять фартуки и привести себя в порядок перед встречей с родными. Алиса от предвкушения едва не лезла из кожи вон. Визиты бабушки и дедушки были для нее словно вода в пустыне. Как и для остальных учениц. День посещений обычно становился большим праздником. Родственники приносили покупные сладости и домашние пироги, маленькие букеты цветов и новые чулки (ведь девочки быстро росли). Но я знала, что сегодня мне подарков не видать. Если не приедет Полидора.

Дверной колокольчик возвестил о прибытии первых посетителей. Мы вышли во двор, построились для осмотра и принялись ждать гостей. Похоже, мисс Саламанка думала, что ее ученицы лучше всего выглядят, когда стоят ровными рядами по линейке и с покрасневшими от холода носами и щеками.

Первой появилась бабушка Алисы, миссис Бромли. Из экипажа ей помог выйти лакей, почти такой же старый и ша-тающийся, как она сама.

По дорожке, усыпанной гравием, пожилая леди подошла к внучке, и та бросилась к ней, расцеловала морщинистые щеки и увела бабушку с холода. Я улыбнулась. Глядя на Алису и миссис Бромли, я всегда радовалась. Бог знает, как только Алисе удавалось не расплющить в объятиях хрупкую даму.

Девочки одна за другой уводили посетителей в гостиную. А мы все ждали...

Во дворе остановился наемный экипаж. Извозчик спрыгнул с козел и помог выйти моей матери. Она выбралась, взволнованно цепляясь за его руку и бросив на произвол судьбы Дебору. Сестра принялась громко призывать на помощь, пока извозчик не помог спуститься и ей тоже. Полидоре же пришлось выходить самой. Сестрице, в проволочных очках, слишком высокой, слишком худой, часто выпадала такая доля. Джентльмены спешили помочь кому угодно, только не ей. К счастью, моя рассудительная старшенькая могла справиться самостоятельно.

В тот самый миг мы увидели впечатляющее зрелище: во двор въехала блестящая черная карета, запряженная лоснящимися черными, в тон экипажу, лошадами в попонах с красной отделкой.

Матушка остановилась поглядеть на эту картину. Лакей в безупречной ливрее спрыгнул на землю и потянул дверцу.

Полидора еле успела увести родительницу с дороги.

Из открытой дверцы показался шелковый цилиндр, затем лысая голова, на которой тот красовался. Голова эта вместе с тучным туловищем, золотой цепочкой от часов и всем прочим могла принадлежать только отцу Терезы, мистеру Альфреду П. Трезелтону. Этого господина невозможно было не узнать, даже если бы на карете не сияло золотыми буквами имя владельца.

Он шагнул на подъездную дорожку и плотнее закутался в пальто. Окинул двор – кусты, девочек, выстроившихся в ожидании гостей, встревоженное лицо директрисы – быстрым безразличным взглядом.

Маменька, приняв благодушное выражение его лица за дружелюбное, присела в реверансе. Однако мистер Трезелтон прошел мимо, не потрудившись ее заметить. Ошеломленная его равнодушием, мама поднялась, огляделась и поправила шляпку, притворившись, что вовсе не смущена. Я сжала кулаки. Так обойтись с моей матерью! Хоть отец каждый день в гостиной у камина проделывал то же самое, но Альфред П. Трезелтон должен был вести себя как подобает джентльмену. Он ведь не герцог, хоть и по-герцогски богат.

Я по очереди обняла и поцеловала Дебору и Полли и поманила к себе маменьку, пока мистер Трезелтон обнимал свою принцессу.

– Прочь, мерзкое отродье!

Крик издал кучер мистера Трезелтона. Слуга размахнулся

кнутом и хлестнул им в сторону лошади, однако целился не в кобылу, а в мальчика. Рыжего сироту из приюта.

Кнут полоснул мальчишку по плечу, разорвал одежду и вспорол кожу. Я смотрела на рыжего, не понимая – почему тот не вопит. Мальчишка мрачно сжал губы.

Лакей схватил его и с силой встряхнул.

– Вздумал лезть к господским лошадям?!

Ливрея слуги уже не казалась мне столь безупречно красивой. С головы мальчишки упала фуражка, но он по-прежнему молчал. А вдруг просто был не в состоянии отвечать?

– Приведи-ка парнишку сюда, – велел мистер Трезелтон.

Подтащив мальчика, лакей швырнул его перед хозяином. Рыжий ударился о гравий, но тут же вскочил и уставился на промышленного гиганта, глаза в глаза.

– Идем в школу, Мэйв, – прошептала мне на ухо маменька. – Вышло недоразумение, лучше держаться подальше.

Но я не дала себя увести, мне хотелось знать, что произойдет.

– Папочка, он из того отвратительного приюта! – вскричала Тереза. – На этой ужасной улице мальчишки повсюду, куда ни глянь. Только выйдешь из школы, они тут как тут.

Мистер Трезелтон, приподняв бровь, уставился на мисс Саламанку, которую потряхивало от волнения, будто сироты развелись в Лондоне из-за ее небрежного управления пансионом. Затем он повернулся к съезжившемуся мальчику.

– Ты трогал моих лошадей? – мягким, обманчиво-добро-

душным голосом спросил мистер Трезелтон. Кричать ему не потребовалось. – Знаешь, какой вред может причинить лошади хулиган вроде тебя?

– У нее был репейник на шкуре, на передней ноге. Я бы ни за что ей не навредил.

Мистер Трезелтон не обратил на его слова никакого внимания.

– Эта лошадь стоит куда дороже такого тощего уродца, как ты.

– А сколько стоит старый толстый грубиян?

Я застыла. Впрочем, как и все остальные. Но в этот раз потрясена была даже я. Неужели эти слова вырвались из моего рта?

Глава 6

Кучер шелкнул хлыстом в воздухе. Будь я мальчишкой – ощутила бы на себе его жало. Два десятка девочек забыли о манерах и тарасились на меня, раззявив рты едва ли не до земли.

Полы пальто мистера Трезелтона хлопали у него за спиной, когда он затаскивал Терезу в школу. Мисс Саламанка, охваченная смертельной паникой, рванула за ними вслед.

Воспользовавшись суматохой и тем, что лакей смотрел в другую сторону, рыжий сирота испарился в мгновение ока.

Кучер мистера Трезелтона загнал экипаж в пришкольный каретный сарай. Один за другим стали подъезжать остальные коляски и высаживать пассажиров. Девочки по очереди уводили родственников с холодной улицы. Внимание Деборы привлек старший брат одной из учениц. Он стоял в стороне и лениво взирал на череду школьниц. Дебора осторожно направилась к нему. Полидора посмотрела, как та удаляется, нерешительно помедлила, а потом упрямо вздернула подбородок и, бросив ветреную сестрицу на произвол судьбы, повела мать в пансион.

После того как я оскорбила мистера Трезелтона, мама отказывалась входить в гостиную. Дошла до фойе и застыла там, дрожа. Мы с Полли тут же узнали тревожные признаки. До приступа истерии остались считанные секунды.

– Если мне придется искать другую школу для моей неуправляемой дочери... – простонала мама. – Ее вышвырнут вон! Я ни за что не сумею убедить очередной пансион принять Мэйв. О, как жестока судьба! Ни одна мать такого не заслуживает. Драться с одноклассницами! Оскорбить корабельного магната!

– Мама, – тихо прошептала Полидора. – Вас могут услышать...

Мама понизила голос, но ее слова все равно разносились по школе.

– Ну почему ты не умеешь разговаривать вежливо, Мэйв? Упрямица! Вздорная девчонка! Леди так себя не ведут. Ты меня погубишь – сведешь прямо в могилу. Двоюродная бабушка Бернис умерла от отчаяния, когда ее своенравный сын пошел под трибунал. О, что за рок преследует нашу семью!

– Потихе, мама, – прошептала Полидора. – Трибунал – это совсем другое.

В фойе висело длинное зеркало в золоченой раме. Оттуда, где я стояла, хорошо просматривалась гостиная и девочки со своими родственниками.

Разумеется, Тереза и мистер Трезелтон заняли диван в центре комнаты. Тереза нашептывала что-то отцу на ухо. Необычно долго нашептывала, у меня даже внутри уха зачесалось – я представила, как Тереза при этом брызжет слюной.

Мистер Трезелтон в отражении показал толстым пальцем

в мою сторону. О ужас: Тереза посмотрела на меня и кивнула.

Они меня видели! И говорили обо мне...

Кровь так и вскипела в жилах. Тереза, коварная плутовка, наврала отцу о жестокой схватке, в которой я отрезала ей косы!

А потом произошло нечто такое, отчего мое сердце едва не остановилось. Тереза открыла сумочку и вытащила оттуда кое-что маленькое и взъерошенное, похожее на крысу. Правда, крыса эта была ядовито-зеленого цвета.

Я отскочила, чтобы меня не видели в зеркало.

Тереза не врала отцу о нашей драке. Она рассказывала ему о джинне!

А даже если и рассказывала – что такого? Пусть себе мелеет языком сколько хочет. Мистер Альфред П. Трезелтон ни за что не поверит в существование джинна. Этот богач пожалуется мисс Саламанке, и старуха Салли наконец выпрет меня из школы, вот и славно!

В окне открывалась занимательная картина: Дебора непозволительно близко придвинулась к молодому джентльмену, а тот, приняв изящную позу, поигрывал тростью. В черном костюме, белой сорочке и золотистом шейном платке он выглядел ни дать ни взять пингвином из зоологического сада.

Я шумно фыркнула и тут же прикрыла рот ладонью.

Мама сердито прищурилась.

– Что за неподобающие звуки, Мэйв! Прекрати! Мне нужно подумать...

– Зайдем в гостиную, мама, выпьем чаю, – предложила сестра. – Добрая чашка теплого чая и отдых пойдут вам на пользу.

Но мама даже слушать ничего не желала.

– Найди экипаж, Полидора, будь лапочкой, – взмолилась она. – Я не могу больше здесь оставаться.

Полли вздохнула и сдалась, мы вышли на улицу. Вскоре нашелся и экипаж, кучер помог маме забраться внутрь. Полидора утащила Дебору от молодого джентльмена. Пришлось ему идти в школу и все же навестить сестру, для чего, собственно, он сюда и явился.

Прежде чем сесть в экипаж, Полидора сжала мое плечо.

– Пиши мне, Мэйв. И веди себя хорошо. Не успеешь оглянуться, как наступит Рождество. Я приеду и заберу тебя на праздники.

Я стиснула руку сестры в ответ. А Полли сунула мне небольшой сверток: черная лакрица! Моя любимая. Милая Полли...

Мама, прощаясь со мной из окна экипажа, махала кружевным носовым платком, встряхивая им при каждом слове.

– Полагаю, разумная барышня, – начала она (*шлеп-шлеп-шлеп*), – которой уделяют столько внимания, дают самое лучшее и дорогое образование, могла бы уже научиться не сеять вокруг хаос.

На этих словах отважный кружевной платок, устав сражаться, выскользнул из пальцев хозяйки. Кучер поднял его из грязи и снова вручил маме.

– Куда едем, мадам?

Мама с опаской взяла платок и задумалась.

– Кхе-кхе! Так куда едем, мадам?

Выручила старая добрая Полли:

– На вокзал Сент-Панкрас.

– Как скажете, – с готовностью поклонился кучер.

Полли помахала мне на прощание. Дебора вытянула шею, чтобы еще раз взглянуть на молодого джентльмена. Мама смотрела прямо вперед, будто забыла, что вообще сюда приехала. Колеса экипажа загрохотали по мостовой. Вот тебе и визит родных.

Я развернулась и врезалась в кого-то. Мальчишка из приюта!

Вблизи он оказался выше, чем я думала. Из-под кепки выбивались возмутительно рыжие волосы – такие темно-красные, что напоминали спелый помидор. Из прорехи на сюртуке, сделанной кнутом кучера мистера Трезелтона, виднелась голая кожа.

Я отступила на шаг, не зная, что делать дальше. Вот он – мой противник, прямо передо мной. Следовало заготовить на такой случай язвительную реплику.

– Полагаю, я должен снять фуражку перед благородной леди? – открыто ухмыльнулся он. Мальчишка впервые со

мною заговорил.

Что ж, отлично.

– Хочешь снимать, хочешь – нет, мне плевать.

– Где уж нам, бедным сиротам, разговаривать с господами, коль скоро мы обязаны Лондону самой жизнью.

Я обдумала его слова.

– Так вам говорят в приюте?

– Этим они нас потчуют. Вместе с овсянкой.

Я кивнула. Девочки из пансиона мисс Саламанки отлично знали, каково это: нам регулярно напоминали о низшем, пусть и приятном, положении женщины.

Дам обожали как пуделей и уважали примерно так же. Сиротская доля – не мармелад, но я никогда не подозревала, что и мальчикам устраивают ежедневную моральную порку.

– И ты такая же, – заявил рыжий. – Как ни пытался заговорить с тобой, все нос воротишь. Воображала!

Ах вот, значит, как он все понял! И это после того, как я его защищала – а ведь меня чуть не избили и не исключили из школы. Неблагодарный!

Я сжала кулаки и приняла боевую стойку. Негодяй высок, но мой низкий центр тяжести мог стать преимуществом.

– Вот за кого ты меня принимаешь! – закричала я. – Да мне плевать – нищий ты сирота или принц Уэльский. Тебе ни за что не добраться до моего...

Я осеклась – и вовремя. На нас уже стали поглядывать кучеры и лакеи экипажей. Из дверей школы потянулся ручеек

родственников. Скоро должен был появиться и мистер Трезелтон. Мальчишка тоже заметил посторонних. Он развернулся, намереваясь удрать и скрыться за углом приюта.

Я схватила беглеца за рукав, рыжий отпрянул в сторону, и прореха поползла дальше.

– А ну пусти, – прошипел мальчишка.

Я не разжала руку, но мне стало стыдно, и я взяла его за запястье.

– Как тебя зовут? – требовательно спросила я.

Он попытался вырваться, но хватка у меня была железная. Мальчишка явно удивился.

– Том, – наконец признался он.

Я отпустила его, но сначала притянула ближе и шепнула на ухо:

– Тебе в жизни не заполучить моего джинна, Том. Так что не суй свой нос куда не следует.

Том высвободился и зло зыркнул на меня.

– Послушай-ка, мисс Воображала. Честно тебя предупреждаю: я доберусь до джинна, даже если это будет последнее, что я сделаю. Буду охотиться за ним до скончания дней.

– Что ж, тогда заранее смирись с разочарованием.

– Надеюсь, тебе нравится, когда за тобой гоняются без передышки. Однажды ты потеряешь бдительность, и тогда наступит мой час, – прищурился Том. – Уж поверь, я его не упущу.

Я вспомнила о записке на своей кровати. За таким про-

тивником глаз да глаз.

Все больше и больше людей выходило из парадных дверей пансиона. Я заметила, что Тому не терпелось уйти. Так почему же он до сих пор здесь? Любопытно...

– Ты слишком много болтаешь, – заявила я. – Проваливай-ка восвояси.

Том наградил меня долгим тяжелым взглядом. Он снова заговорил. Я думала, опять ляпнет какую-нибудь гадость, но мальчишка лишь улыбнулся, и от этого его лицо совершенно преобразилось.

– Встретимся вечером. В саду за школой.

Я оглянулась и заметила цилиндр мистера Трезелтона.

– Пригнись! – воскликнула я. Том спрятался за мной. – Ты чокнутый. Не пойду я ни в какой сад.

– В десять вечера, – прошептал он мне на ухо. – Сегодня!

Я посмотрела на гостей, выходящих из пансиона, а когда обернулась, Том исчез.

Вместе с лакрицей, которую привезла мне Полли. Негодяй стащил ее прямо из кармана.

Мерзкий воришка. Скатертью дорога! Все равно я не собиралась с ним встречаться!

Глава 7

Девочки прощались с родителями, извозчики спорили, кому выезжать первому. Воспользовавшись суетой, я улизнула в школу. Мне нужно было скрыться от взглядов учителей и поскорее добраться до спальни.

Я проскользнула мимо Алисы, которая снова душила в объятиях миссис Бромли, свою бабушку.

– Встретимся в нашей комнате, – шепнула я на ухо подруге.

Та кивнула.

– Это и есть твоя лучшая подруга, Алиса? – любезно поинтересовалась миссис Бромли, однако мне это было совершенно некстати.

– Да, мадам, – отозвалась Алиса. – Это моя соседка, Мэйв Меррит.

– О, бойкая мисс Мэйв, о которой ты мне столько писала. – Пожилая леди наградила меня ласковой улыбкой. – Скажите, милая, вы из Лондона?

Я сделала книксен, с ужасом ожидая, что разъяренная директриса вот-вот схватит меня за воротник.

– Нет, мадам, – ответила я. – Моя семья живет в Лутоне. Но отец служит в Лондоне, в Банке и трастовом фонде Михаила Архангела.

– Лутон... – задумчиво протянула миссис Бромли. – Ко-

гда-то там жил мой друг, прелестное местечко. Сейчас туда ходят поезда, верно?

Я кивнула.

– Именно так папа добирается на службу.

Каждая секунда промедления только усиливала панику. Мне нужно было скрыться с глаз долой. Но, возможно, мисс Саламанка не тронет меня, пока я беседую с чинной бабушкой Алисы.

– Алиса, дорогая. Ты должна пригласить Мэйв навестить нас в Лондоне на каникулах. По такому случаю я попрошу Агнес испечь крошечные кокосовые пирожные. Вы любите кокос, мисс Мэйв?

– Очень, миссис Бромли.

Пару раз мне доводилось лакомиться сушеным сладим кокосом, а однажды я ела ананас из банки. И даже пробовала бананы.

Тропические фрукты были ужасно вкусными, куда вкуснее наших, английских, хотя я очень любила клубнику, малину и крыжовник.

Миссис Бромли сжала хрупкие руки.

– Тогда мы рассчитываем увидеться с вами, мисс Мэйв! Приезжайте, пожалуйста, без вас наши каникулы будут довольно скучными.

Я снова сделала книксен.

– Приеду с радостью, мадам, если позволят родители. Прошу прощения, мне пора в школу. Мисс Саламанка... хо-

чет меня видеть.

Увы, я отнюдь не лукавила.

Алиса распахнула глаза.

– Правда? – Сцену с мистером Трезелтоном она пропустила.

– Скорее приходи, и я все объясню.

Лакей миссис Бромли помог ей забраться в карету и плотно укутал мадам от холода.

Я улизнула за школу и обезопасила себя дважды: вошла внутрь через кухонную дверь, а потом по лестнице для прислуги поднялась в нашу спальню. Таково было сомнительное преимущество моего наказания – проведя столько часов за черной работой, я разведала все тайные ходы и выходы.

Когда пришла Алиса, я рыскала по ящикам ее письменного стола.

– О, Мэйв, – вздохнула она. – Ты ведь не собираешься вызвать джинна?

Я присела на кровать.

– Он мне нужен, Алиса. Когда уедут последние гости, мисс Саламанка ворвется сюда, изрыгая пламя. Я публично оскорбила папашу Терезы, меня поймают и четвертуют. В крайнем случае запрут на пару недель. Так что мне нужен джинн, пока за мной не явилась директриса.

Алиса прикусила нижнюю губу.

– Но Мэйв! Это так рискованно. Последний раз, когда ты его вызывала...

– Больше я не поступлю так опрометчиво, обещаю.

Кажется, Алиса изо всех сил хотела мне поверить, но ей было нелегко.

– Может, я пока все же подержу банку у себя ради безопасности?

В глубине моей души заворчалось неприятное чувство. Я пристально посмотрела на подругу. Да она же пытается оставить Мермера себе! Неужели у нее тоже есть тайные желания?

О, нет. Только не Алиса.

Но почему не Алиса? Может быть, она вовсе не такая милая и преданная, какой я ее воображала.

– Почему ты на меня так смотришь, Мэйв?

Через силу я овладела голосом.

– Да ничего. Просто хочу вернуть своего джинна, вот и все.

Алиса вздохнула и открыла дверь в чулан. Я последовала за ней и с удивлением увидела, как подруга сняла со стены полку, за которой показалась щель – узкая, но достаточно большая для банки сардин.

Онории Брисбен не хватило бы сотни жизней, чтобы ее отыскать. Впрочем, если уж на то пошло, и мне тоже. Алиса протянула жестянку, и я тут же пожалела, что усомнилась в подруге. Какая странная ревность...

Я обняла ее.

– Спасибо, Алиса, ты такая милая.

Затем я начала рыться в вещах, собирая небольшой набор для выживания. Перочинный нож, бумага, карандаш. Леденец и несколько ирисок. Лакрица Полли очень пригодилась бы! Всего этого и так недостаточно для поддержания жизни, если мисс Саламанка решит уморить меня голодом. Я сложила свое имущество с банкой сардин в придачу в большой носовой платок.

Внизу зазвонил колокольчик, созывая на ужин. Алиса, сидя на кровати, наблюдала, как я привязываю получившийся узелок к поясу нижней юбки. Если бы вещи не издавали негромкий шорох, никто бы и не догадался, что там что-то есть.

– Как провела время с бабушкой?

– Слишком быстро, – вздохнула Алиса. – Я так скучаю по дому и по дедушке!

Хоть я была знакома с миссис Бромли, всякий раз, как Алиса рассказывала о своих стариках, я представляла их живущими в пряничном домике, будто в сказке.

– Однако бабушка привезла новости, – продолжила Алиса. – Она получила ответ от школы вокала из Вены, где я проходила прослушивание. Меня приняли! Следующей весной мы едем в Вену!

– Поздравляю! – воскликнула я. – Вена – это чудесно. Одно жаль – тебе же придется петь, чтобы там учиться.

Алиса рассмеялась.

– Не все испытывают такую неприязнь к музыке, как ты,

Мэйв.

– И я не испытываю. Ирландскую джигу спляшу когда угодно.

Я еще раз осмотрела спальню, убеждаясь, что ничего не забыла.

Алиса вдруг стала серьезной.

– Мэйв, ты ведь не используешь джинна, чтобы навредить мисс Саламанке?

Я рассмеялась.

– В последний раз, когда я пыталась отомстить, месть не принесла мне ничего хорошего.

Алиса еще больше разволновалась.

– Ты ведь не уйдешь, правда?

Я задумалась. Мысль сбежать с помощью джинна приходила мне в голову, но я не хотела, чтобы Алиса об этом узнала.

Я встряхнула юбки: узелок был надежно спрятан.

Не дождавшись обещания остаться, Алиса грустно покачала головой.

– Эту кошмарную школу можно вынести, только когда ты рядом, Мэйв. А если уйдешь... – Она вздохнула.

– Не уйду, – отозвалась я. – Сегодня не уйду.

По крайней мере это я могла ей пообещать.

– Будь осторожна, Мэйв. Все же скажи, почему ты оскорбила мистера Трезелтона?

В коридоре раздались шаги. Я знала: то идет мисс Сала-

манка.

– Он это заслужил, Алиса, – я сжала руку подруги, – он это заслужил.

Глава 8

Даже если бы я хотела тем вечером встретиться с Томом в саду, ничего бы не вышло. Мисс Саламанка, представив, какой урон могло причинить школе оскорбление мистера Трезелтона (особенно после жестокого нападения на его драгоценную Терезу), пришла в такой ужас, что была не в состоянии содрать с меня шкуру живьем.

На сей раз слов у нее не нашлось. Но наказания я не избежала.

Директриса заперла меня в подвале.

Должно быть, рассчитывала, что девочки боятся пауков и темноты, сырых подземелий под школой, однако она плохо знала Мэйв Меррит. Признаюсь, я бы предпочла не спать в подвале, где меня ждал ужин из одной лишь воды и хлеба, но скорее умерла бы, чем выдала себя.

Я бодро прошагала к узкой койке, которую там для меня установили, и уселась на нее.

– Что это за звяканье? – нахмурилась мисс Саламанка.

Я крепче сжала коленки. Нельзя позволить ей найти узелок, который я спрятала под юбками.

– Ничего.

Директриса сунула мне миску с хлебом, кувшин с водой и колючее шерстяное одеяло, от которого мучительно зудели руки, а потом направилась к лестнице.

– Дверь будет заперта. Вы останетесь здесь, пока вас не позовут. Подумайте как следует о своих проступках и отвратительном поведении. Когда я вернусь – а мое возвращение может затянуться до бесконечности, учитывая, как вы недавно оскандалились, – я хочу обнаружить вместо дикой чертовки исправившуюся юную леди.

– Не стоит так грубо выражаться, мисс Саламанка, – заметила я.

Денек у директрисы выдался нелегкий. Она притворилась, что не слышит меня, и крепко закрыла за собой дверь. Засов с глухим стуком встал на место.

Ну и ладно.

Еще немного посидев на койке, я огляделась. В нос бил запах подвала, кислый и затхлый, вонь плесени, угольной пыли, разбитых бутылок вина с примесью волглого, земляного духа скотного двора. Сквозь грязное окно на уровне тротуара пробивалось пятно света. Сумерки быстро сгущались. Фонарщики уже зажгли фонари на нашей улице. Жалкий и слабый луч, которому все же удалось просочиться в подвал, освещал лишь небольшой участок возле койки. За ним тянулись мили непроглядно-лиловой тьмы. Шарканье моих ног по полу эхом отдавалось от дальних стен.

Я отложила тарелку и встала, приподнимая юбки, чтобы выудить заветный узелок. Больше он не будет мешаться – какое облегчение. Не съесть ли леденец? Нет, лучше приберегу на потом.

Я взяла банку сардин и вновь ощутила странную пульсацию, будто внутри билась живая рыбка. Какое крошечное узилище для огромного джинна. Я ждала подходящего времени, чтобы остаться одной и вызвать Мермера. Так почему не сделать это прямо здесь и сейчас? Мисс Саламанка оказала мне большую услугу – лучше вышло бы, только если б она предоставила в мое распоряжение собственную гостиную.

Я снова открутила ключ и вставила язычок крышки в прорезь. Поворот, еще один, и вскоре одуряющий рыбий смрад перебил подвальную сырость. Клубящихся желтых облаков я в темноте не видела, зато чуяла.

Вскоре появился и сам Мермер. Тусклый свет отражался от зеленой кожи. Во мраке выпуклые глаза джинна, мерцающая чешуя жилета, потрясающие белые усы и брови выглядели еще более невероятно.

– Подземелье... – проворчал Мермер. – Подходящее для тебя местечко. Наконец мы очутились в твоём родном гнезде, не так ли, птенчик?

Я росла с парой испорченных старших сестриц (не считая Полли), играла в крикет с бандой немых оборванцев, а в школе имела дело с Терезой Трезелтон и ее прилипалами, потому привыкла не обращать внимания на издевки и насмешки. Но это не означало, что следовало и колкости Мермера пропускать мимо ушей.

– Знаешь, необязательно вести себя как злодей, – заявила я. – Хорошее обхождение тебя не прикончит.

Джинн подкрутил кончики усов – сначала с одной, потом с другой стороны.

– Поведай-ка мне о своем отце, – предложил Мермер. – Твой отец явно не султан, паша или калиф. Он невольник? Раб? Казнит ли он себя каждый день от стыда, что произвел на свет подобную дочь?

Пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться.

– А как насчет тебя? – поинтересовалась я. – Твой папочка, наверное, скрежетет зубами от унижения, что вырастил зеленую рыбешку, которой придется целую вечность выполнять приказы таких хозяев, как я?

Мермер увеличился в размере вдвое и стукнулся головой о балку на потолке.

– Не смей называть себя моей хозяйкой. Ты всего лишь до-садная помеха. – Он лениво зевнул. – Давай, птенчик. Ты уже подумала? Решила, каким будет следующее желание? Возможно, ты хочешь, чтобы я устроил твой брак с богатейшим принцем ваших земель?

Брак?! Какая мерзость!

Я громко рассмеялась.

– Нет таких принцев. Принц Уэльский уже состарился, к тому же женат. Его сын, принц Джордж, женился несколько лет назад. Не повезло тебе! Хотя постой-ка... Если подумать, у королевы есть внуки моего возраста. Но они не для меня. Нет уж, спасибо.

Сморщив нос, Мермер оскалил острые зубы.

– Выходит, для слабоумного птенца и принцы недостаточно хороши? Так на какую глупость ты потратишь желание сегодня? Поторапливайся, и покончим с этим. А когда у тебя закончатся все попытки, я покину сие тесное узилище и переберусь в более подходящий для джинна моего ранга сосуд.

Последнее меня особенно заинтересовало.

– То есть после моего третьего желания ты освободишься от жестянки из-под сардин? А кто решает, куда ты отправишься дальше? Думаешь, тебя повысят до банки солонины?

Разозлившись, Мермер щелкнул рыбьими зубами прямо у моего лица. Клац-клац!

– А птенчик-то остер на язык! Чары, что околдовали меня целую вечность назад, по собственной воле найдут мне новый дом. С годами все меняется. Этого диковинного вольера, – он бросил презрительный взгляд на свою жестянку, – еще не существовало, когда я в последний раз служил хозяину. Мне не нравится эта банка. Вот бесценная фарфоровая ваза или лампа из бронзы и золота подошли бы как нельзя лучше.

Я задумалась.

– Вазы и лампы слишком громоздкие по сравнению с банкой сардин. Ты отлично поместился у меня в кармане. Так куда удобнее.

– Знаешь, что еще бы мне подошло? Хозяин, который меня достоин. Дайте мне полководца, магараджу, некроманта – увидите, я потружусь на славу. Вместе с отважным гос-

подином мы бы заставили империю преклонить колена или подняли армию мертвецов. Но обычная девчонка – только оскорбление моего достоинства.

Я спрыгнула с койки.

– Как замечательно ты разглагольствуешь о своем достоинстве, мистер рыбий джинн! – вскричала я. – От тебя смердит похуже, чем от лондонской канализации, а сардин я слопала целую гору, так что на твоём месте помалкивала бы. Хочешь не хочешь, а я твоя хозяйка, заруби себе на носу. – Тут меня осенило. – Постой-ка. Как ты сказал, армию мертвецов?

Мермер не обратил на мой вопрос ни малейшего внимания.

– О-хо-хо, и что велишь мне сделать в следующий раз – покрасить волосы своих товарок в розовый? Испачкать их платья и потоптаться по игрушкам? Тьфу! – Сплюнув на пол, он покачал головой. – Видели бы братья, в каком униженном положении я оказался... Позор мой сравнится лишь с позором тысячи ослов, запряженных в телеги, полные протухших фиг!

– С чем сравнится твой позор? – Я трянула головой. Похоже, от долгого заточения в жестяной банке у Мермера протухли мозги. – С тухлыми фигами? С позорными ослами? Все равно ты ничего поделывать не можешь, так что устраивайся поудобнее.

Я медленно обошла джинна кругом. Он вращался в воз-

духе, не сводя с меня глаз, будто я могла каким-то образом нанести ему удар в спину.

Ударить его? Но как? Существо, состоящее из пара? Я замерла... Он вообще плотный? Или это просто дым?

Я ткнула Мермера в татуированное плечо. Палец пронзил серебристо-зеленую кожу насквозь, и та зажглась. Я отдернула руку.

– Зачем это ты сделала? – требовательно поинтересовался Мермер.

– Да так...

Палец был целехонек, совсем не пострадал. Неужели джинн соткан из зачарованного огня? Я мерила шагами подвал и размышляла. Выяснилось уже немало. Как я всегда и думала, у меня только три желания, но надежда все же оставалась. Однако, как только джинн исполнит последнее, он исчезнет, и больше я до него не доберусь. Нужно еще кое-что разведать.

– А ты хотел бы когда-нибудь освободиться из банки? Перестать быть джинном, не исполнять желания?

Мермер усмехнулся в густые белые усы.

– Я хочу этого так же, как ты хочешь смерти.

– Чего-о?

Джинн закатил глаза. А он тот еще актер, оказывается!

– Мой сосуд – моя жизнь и сила. А исполнение желаний – смысл существования. Отбери это все, и я исчезну.

Любопытно.

– А если кто-нибудь пожелает освободить тебя от чар?

– Это не свобода, – нахмурился Мермер. – Это убийство.

В любом случае на подобные желания наложен запрет. Они не исполнятся.

– Похоже, правила не так уж просты. Давай-ка проясним.

Хозяину дается три желания...

– Любая попытка загадать больше трех желаний обернется для хозяина ужасными бедствиями, – по-акульи свирепо оскалился Мермер. – Видела бы ты, что случилось с тем, кто это сделал...

Запомню. Я старалась не представлять кровавые картины.

– Только три желания, значит. Число не меняется.

– Всего три, на всю жизнь, навсегда.

Я помедлила, размышляя, и наконец кое-что придумала.

– Хочешь сказать, если хозяин загадал одно или два желания, а потом потерял тебя – например, сосуд украли, ведь логично, что другие попытаются его похитить, узнай они... – Я представила Терезу и Томми. – Если бы кто-то стащил банку и стал твоим новым хозяином, а потом настоящий владелец вернул бы...

– Никаких добавочных желаний, – решительно отрезал Мермер. – Только три желания – и все. Если ты меня потеряешь, когда у тебя в запасе останется еще два желания, а потом вернешь – что крайне маловероятно, – то лишь два желания у тебя и останутся. И ничего сверх того.

Черт. Вот тебе и новая идея...

– Это также значит, что ты не можешь передавать джинна приятелям, загадывая желания по кругу до бесконечности. – Мермер язвительно расхохотался. – Такое проделала однажды шайка воров. Все они сошли с ума и поубивали друг друга.

Я содрогнулась. Как это вообще пришло в голову ворам, ведь, как правило, они ребята предусмотрительные?

– Сначала люди искренне убеждены, что сдержат слово, и доверяют товарищам, – продолжал Мермер. – Но когда наступает пора передать меня другому, большинство забывает об обещаниях и стремится урвать свое.

Я обдумала его слова. Похоже на правду.

– Как ни странно, но зачастую те, кого предали, не в восторге от обмана, – ухмыльнулся Мермер и зловеще провел пальцем по горлу.

Я содрогнулась и предпочла вернуться к обсуждению правил.

– Итак, ни один хозяин не в силах вызволить тебя из плена.

– Я не в плену.

– Прекрасно. Нельзя пожелать тебе свободы, поскольку от этого ты погибнешь, так что подобное под запретом.

– Верно, – со скучающим видом зевнул Мермер. – Может, хватит? Загадай желание или оставь меня в покое.

Я всмотрелась в его лоснящееся рыбье лицо.

– Почем мне знать, что ты не врешь? С чего бы я должна

верить твоим словам?

Джинн презрительно фыркнул.

– Всегда одно и то же. Каждый раз вопросы. – Он снял серьги и принялся полировать их об чешуйчатый жилет. – Мне запрещено говорить неправду хозяину.

Вот это да... Великолепно!

– Так, значит, каждое твое слово – правда? Тебе запрещено меня обманывать?

– Мне нельзя говорить тебе неправду.

Я снисходительно улыбнулась. Разницу между «говорить неправду» и «обманывать» я прекрасно знала. Придется глаз с Мермера не спускать.

– Если б я мог солгать, зачем мне рассказывать, что я могу исполнить твои желания, и исполнять их на самом деле?

Я засмеялась.

– Здорово подмечено! Ты не сделал бы для меня ничего хорошего, если бы тебя не вынудили. Доброты в тебе нет ни капли.

Джинн нахмурился и энергично отряхнул руки и плечи, словно доброта могла его как-то запятнать.

Мне нужно было выведать еще кое-что, и, судя по характеру Мермера, существовал лишь один верный способ добыть у него информацию – уколоть гордость. Задира есть задира, зеленый или нет.

– Откуда мне знать, что ты сможешь исполнить любое мое желание? Наверняка ты способен не на все, существуют и

ограничения.

В груди Мермера зародилось громоподобное рычание. В дальних углах подвала послышались шорохи. Наверное, это мыши в ужасе прыгнули по норам.

Джинн вскинул руки.

Из правой его ладони появился бурлящий водяной шар, на поверхности которого закручивалась воронка. Вспенились волны, оросив мое лицо брызгами океана. Я увидела корабли: финикийские галеры и греческие триеры², ряды рабов отчаянно тянули весла, несясь навстречу собственной гибели в магическом водовороте.

На другой руке джинн наколдовал шар огненный. И не просто огненный – он состоял из жидкого пламени, в котором кипели куски расплавленной породы. Это была лава! На ладони Мермера извергался вулкан. Я придвинулась, чтобы рассмотреть поближе, и, несмотря на обжигающий лицо жар, увидела, как огонь поглощает целые города и деревни, испепеляет леса, словно спички.

Зеленые глаза джинна полыхнули яростью. Он с силой хлопнул в ладоши, соединяя шары. Взрыв пара отшвырнул меня на койку, однако я совсем не пострадала.

Когда я стерла с глаз влагу и мусор, Мермер по-прежнему был в подвале: он отвернулся от меня и скрестил на груди руки, надувшись, как обиженное дитя.

Зазнайка!

² Боевой весельный корабль.

Уж я-то знаю, как с такими обращаться.

– Весьма впечатляюще, Мермер.

Джинн склонил голову, но не произнес ни слова. Он все еще стоял ко мне спиной.

– Ты так силен, – заворковала я, – твоя мощь невообразима.

Медленно-медленно Мермер развернулся в воздухе, чтобы видеть мое лицо. Нижняя губа джинна все еще выпячивалась, демонстрируя хмурое безразличие, но я знала, что добилась его внимания.

– Ты родился джинном? И всегда им останешься?

Мермер вытащил из-за пояса маленькую фляжку, откупорил ее, вытряхнул на ладонь несколько капель густой жидкости и принялся натираться. Запахло эвкалиптом.

Интересно, а джиннам женского пола такое нравится?

– Ну так что же?

– Нет и еще раз нет, – ответил Мермер.

– Что это значит?

Джинн намазал снадобье прямо на блестящую лысину.

– Нет, на свет я появился не джинном. Я родился принцем столь прекрасной и великой империи, что скудоумный птенец вроде тебя не в силах постичь ее могущества.

Я слишком напряженно размышляла о том, что означало его второе «нет», и мне было не до оскорблений.

– Кто же превратил тебя в джинна?

Похоже, этот вопрос пробудил спящее чудовище давно за-

бытых воспоминаний.

– Чародей, – наконец ответил Мермер.

Мне показалось, что это не вся правда, но, посмотрев ему в глаза, я решила – бог с ним.

– Так ты когда-нибудь перестанешь быть джинном?

– Когда наступит конец света.

– То есть никогда.

Кустистые брови выразительно приподнялись.

– Безмозглый птенец.

Вспомнив, как столкнулись и взорвались огненный и водяной шары, я решила не настаивать. Тема для джинна явно была не из приятных.

– Ты говорил о братьях. Сколько их у тебя? Ты самый старший брат, самый младший или средний?

– После пяти тысячелетий это уже неважно, – фыркнул Мермер.

Я подождала.

Он снова повернулся ко мне.

– У меня два брата. Они родились раньше меня.

Я кивнула.

– Младший всегда остается младшим. У меня три старших сестры, я точно знаю.

Мермер убрал склянку с мазью обратно в пояс.

– Ничего ты не знаешь. Когда ты поймешь хотя бы это своим недоразвитым женским мозгом? Ты не знаешь ничего.

Я вскочила с койки и посмотрела ему в глаза.

– Я уже многое разузнала о джиннах и желаниях, так-то вот!

В глазах его сверкнул лукавый огонек.

– Есть и то, чего ты не знаешь, – заявил он голосом таким бархатным, что у меня мурашки поползли по коже. – Твои желания тебя и сгубят.

– Ты с ума сошел, – засмеялась я.

Очи джинна загорелись ядовитым пламенем.

– Они станут тебе погибелью. Еще до того, как ты закончишь, дух твой станет умолять тебя избавиться от меня, но это будет не в твоей власти. Жадность одержит верх. Тебя поглотит страсть к золоту. Раковой опухолью проникнет в твое тело и душу и доведет до безумия и смерти.

Я сделала глубокий вдох, потом еще один. Горячие возражения, что рвались из меня, бог знает почему застыли на губах, сердце гулко ухало в груди.

Мермер нес какой-то вздор, так с чего мне об этом переживать?

Наконец я взяла себя в руки и выпалила:

– Если думаешь, что такова моя судьба, ты меня совсем не знаешь. Ты вообще меня не знаешь, даже имя мое тебе неизвестно. Уж я не настолько глупа, чтобы дать желаниям себя поработить, превратить в жадного и мерзкого человека. Догадываюсь, что другие могли дать слабину, но со мной ничего подобного не случится.

Губы Мермера растянулись в улыбке от одного зеленого

уха до другого. Шипя, как спущенный резиновый мяч, он уменьшился в размере и втянулся в свою жестянку.

– Все так говорят, – ухмыльнулся джинн на прощание.

Он закрутил за собой крышку и с тихим свистом плотно ее закрыл. Высвободившийся ключ перевалился за борт и ерзал там, пока тоже не встал на место.

Мермер вернулся в свое обиталище, оставшись наедине с собственными мыслями.

Я уселась на койку в темном подвале и тоже призадумалась.

Глава 9

Страсть к золоту поглотит тебя.

Доведет до безумия и смерти...

Слова Мермера эхом отзывались в моих ушах. Язык отравляла горечь, будто я только что хлебнула ядовитого снадобья.

Жадность? Безумие? Что за вздор, это же я! Страсть к золоту... Мама бы решила, будто речь идет о чем-то непристойном. Хотя уж кто испытывал к золоту страсть, так это маменька. Она всегда намекала, что отцу следует больше зарабатывать.

Жадность одолевает всех. Только не меня. Этому случиться не суждено. Я не позволю! Никакое желание, ни что-то другое не заставят меня стать тем, кем я не хочу...

Но этот взгляд джинна...

За столько лет он чего только не насмотрелся, возможно ли, что Мермер научился предсказывать будущее?

Не лучше ли зарыть эту банку сардин где-нибудь, где ее никто не найдет, и зажить по-прежнему? Покориться чопорной мисс Саламанке и чванливой Терезе? Стать скучной самодовольной леди и тем самым умиловить семью?

Нет.

Вот уж дудки!

Я нашла джинна.

Среди полчищ жителей Лондона, даже всей Британии, джинна нашла я. Я, Мэйв! Раз выпал один шанс на миллион, нельзя же от него отказываться. У меня осталось два желания, и я распоряжусь ими с умом. Пожелаю себе свободной жизни, полной приключений, которых не знала ни одна английская девчонка. Объеду весь мир, буду сама решать, во что играть, что говорить и носить. И ни за какие богатства не продам душу, что бы там ни болтал зеленый старикашка.

Да, точно. Я решительно кивнула, хоть в темном подвале никто и не видел. Умойся, Мермер.

Хм, Мермер... Вот еще одна загадка. Я постаралась вспомнить все, что о нем узнала.

Итак, он младший из трех братьев. Был принцем в великолепной и могущественной стране. Чародей превратил его в джинна. Что же ты натворил, Мермер, чем так разозлил колдуна? Судя по обаятельному характеру джинна – кучу всего.

Что еще мне известно? Он сказал, ему пять тысяч лет. Проклятье! Неужели Мермер – самое старое на земле существо? Наверняка так. За исключением остальных джиннов. У него перед глазами пронеслась почти вся история человечества. Зарождались и погибали империи.

Как он там описывал собственную страну? Прекрасная и могущественная?

Значит, в руинах его древнего дворца или гробницах спрятаны ценности. Газеты пестрели статьями об археологах, которые на раскопках в дальних странах обнаружили

бесценные сокровища античного мира.

Наверное, кроме как загадать желание, существовали и другие способы обзавестись богатством, чтобы оплачивать свои мечты. Мне представлялось скучным просто попросить денег. Лучше пожелать указать, где находится древний клад.

К тому же мне хотелось больше узнать о Мермере. Он родился принцем, затем стал джинном, получил невероятную власть и проклятие жить до скончания веков.

«Ты сам по себе загадка, Мермер», – подумала я, поглаживая банку сардин. Загадка, которую я намереваюсь разгадать, пока буду совершать набеги на гробницы твоих предков... И это пойдет тебе только на пользу!

Но когда осуществить свои планы? Пока что нельзя. Они требуют подготовки. Но скоро, очень скоро.

Чем же заняться? Время ползло медленно, как слизень по листу капусты. Ночь предстояла долгая, а я была слишком взволнована, чтобы уснуть.

Поэтому я решила осмотреть ближайшее окно.

Поблизости нашлось несколько старых ящиков. Мне они показались достаточно прочными, чтобы на них вскарабкаться. Изнутри окно было оснащено железными прутьями. Похоже, меня не первую заточили в этой тюрьме. Я передвинула ящики к другому окну и увидела то же самое. Выхода нет.

За дребезжанием створок и решеток я сначала не замечала прочих звуков. А потом мне послышались ужасные шо-

рохи и чавканье. Я повернулась.

Прямо на моей койке сидела гигантская крыса! На заостренной мордочке влажно поблескивали зубы, омерзительный хвост хлестал туда-сюда. Она быстро расправилась с моим хлебом и принялась за леденец.

Я спрыгнула, ящики рухнули, крыса зашипела, моя нога подвернулась... И что самое ужасное, я закричала.

Ненавижу крыс!

На койку вскочила вторая крыса и выхватила лакомство у товарки. Застряв в обвалившихся ящиках, я не шевелилась и наблюдала, как крысы зубами и когтями вырывают друг у друга леденец. Я рассудила так: пожалуй, если не двигаться, через какое-то время грызуны, сожрав все что можно, уберутся восвояси.

Развязалась кровавая и писклявая война за леденец. Наконец одна крыса сшибла другую с койки, порылась в моем узелке и заметила банку сардин. Не успела я завопить еще раз, как зверь сжал страшными челюстями жестянку и умчал добычу во мрак.

О нет!

Я бы все сейчас отдала за свою крикетную битую. И лампу, и голодную бродячую кошку! Осмелюсь ли я погнаться за омерзительной прыгучей крысой и отнять свою жестянку? Бог знает, куда крыса может ее утащить. Я содрогнулась: ох и достанется мне от ее когтей и зубов...

Способна ли крыса убить человека? Клянусь, я слышала,

что они нападают на арестантов. Но как же мои желания? Моя крикетная команда, мое кругосветное путешествие – все исчезло в крысиных зубах.

Нельзя терять время. Я отбросила ногой сломанный ящик, оторвала с рамы крепкую перекладину и отправилась за крысами в темноту.

Было темно хоть глаз выколи. Где-то там, по волглому полу подвала, скребли когти. Тьма удушала. Что-то коснулось моей ноги, я взмахнула самодельной битой, и...

Мрак прорезал ужасающий стон, будто охнуло привидение. Я отшвырнула биту, крысы запищали. Что-то пронеслось прямо передо мной: я это скорее почувствовала, нежели увидела. Сжавшись от страха, я закрыла лицо руками.

На пол упал какой-то предмет. Маленький, твердый и металлический. Моя банка! Я принялась шарить по грязному полу, но вместо жестянки пальцы наткнулись на скользкую крысиную шерсть. Я принялась хватать ртом воздух.

Крысиный мех не шевелился. Крыса дохлая! И все еще теплая. Меня чуть не вырвало. Одолев тошноту, я вытерла руку об юбку, сделала глубокий вдох и продолжила поиски.

Вдруг на пол упала крошечная искра. Я повернулась: позади вспыхнула спичка. Из тьмы возникло лицо, а потом свеча.

Это был Том, приютский мальчишка. А передо мной, закусывая теплой крысой, расположилась на ужин большая серая сова.

Глава 10

Том! Что он здесь делал? Как попал сюда?

Несомненно, задумал добраться до Мермера.

В панике я развернулась и поползла по грязному полу к жестянке. Что-то блеснуло в мерцании свечи Тома: это была она, моя банка, точно! Вот только сжимала ее ужасная когтистая лапа совы. Птица сочла банку своей добычей.

Я не раз видела чучела сов в чужих гостиных, но живого хищника – никогда. Огромные глаза уставились на меня, а я вытаращилась на смертоносный изогнутый клюв.

Отпрянув в сторону, я схватила перекладину и встала.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно спросила я Тома.

Его брови удивленно приподнялись.

– А ты что тут забыла? – Он указал на койку и мои разоренные пожитки. – Это твоя новая спальня?

Я промолчала: слишком злилась на него и слишком волновалась о жестянке. Он ведь явился за ней! Сначала мое сокровище стащила одна крыса, а теперь зарится другая! Не сегодня, благодарю покорно.

Я так ничего и не ответила, а Том присел на корточки и заухал, обращаясь к сове.

– Вижу, ты познакомилась с Моррисом.

Большая птица повернула голову к Тому, а потом неук-

люже поскакала к нему. Одним крылом сова помогала себе, другое, шаркая, волочилось по земле. На нем не хватало нескольких длинных перьев.

Жестянку сова оставила. Как только птица удалилась на безопасное расстояние, я бросилась к своему сокровищу и крепко его схватила.

– Моррис? – переспросила я.

– В честь забавного танца, который он исполняет, когда передвигается, – объяснил Том.

Ни за что бы этого ему не сказала, но имя сове подходило. Дома, в Лутоне, на майской ярмарке часто плясали «моррис» – народный танец. Мне нравилось любоваться танцорами в белом, которые дружно прыгали и скакали, размахивая платками.

Правда, Моррис размахивал только крысиным хвостом, зажатым в клюве.

Фу!

– Как ты сюда попал? – спросила я Тома.

Казалось, отвечать ему не хочется, и все же мальчишка указал в глубину подвала:

– Через заднюю дверь. Прошлым летом, когда мы нашли Морриса, я догадался, как вскрыть замок.

– «Мы»? – прищурилась в темноте я.

– С Джеком, моим другом из приюта. Мы наткнулись на Морриса в парке. Он был еще молодой, а крыло сломано. Он бы умер.

Я снова посмотрела на сову.

Птица заглотила крысиный хвост, посмотрела на меня и моргнула.

– Как это мисс Саламанка еще не пронюхала, что здесь живет сова?

– Сюда редко кто-нибудь спускается, – ухмыльнулся Том. – А Моррис в основном ведет себя тихо.

– Значит, вы с Джеком приходите сюда, чтоб ухаживать за совой?

Том покачал головой.

– Джек уехал. Его послали на север, на ткацкую фабрику.

– Наконец получил свободу?

Том помрачнел.

– Туда всех отсылают, кому пятнадцать стукнуло. Каждые три месяца они приезжают за новой партией сирот.

Партия. Будто скот. Я вспомнила, как отец рассказывал об условиях на тех фабриках. Ткачи круглый год, больные или здоровые, трудились с раннего утра до поздней ночи. Выходной полагался только один – воскресенье. Фабрики часто нанимали детей, ведь платить им можно было мало – лишь бы хватало на еду и жалкий кров. В воздухе в цехах было столько шерсти, что многие рабочие начинали страдать легочными заболеваниями в самом юном возрасте.

Из открытой двери повеяло холодным воздухом.

– Сколько тебе лет, Том?

Из-за отблесков свечи у него залегли глубокие тени под

носом и бровями.

– Четырнадцать.

Всего на год старше меня, но времени осталось совсем немного. Я не знала, что сказать.

– Так тебя наказали? – спросил Том. – Ты поэтому тут торчишь?

Я кивнула. К чему отрицать очевидное?

– Наказали за то...

– Да меня все время наказывают. – Мне не хотелось объяснять, как сильно я рисковала, чтобы ему помочь. Чего доброго, решит, будто мы друзья. Никакой дружбы! Мы конкуренты, которые соперничают за право обладать Мермером. Слава богу, джинн опять у меня, благодаря совенку Моррису.

Я вернулась к койке, расправила постель и уселась на нее, стараясь не думать о том, как здесь дрались крысы. Том опустился на колени, достал фляжку и налил воды в плоскую посудину, которую я прежде не замечала. Пока он отвлекся, мне удалось быстро накрыть банку сардин юбками.

– Моррис пьет из чашки? – спросила я.

Том покачал головой.

– Поплескаться иногда любит. А жажду совы утоляют кровью своей добычи. Когда мы выбирали, где его спрятать, не знали, сможет ли он одолеть местных крыс.

– Неплохо бы ему охотиться шустрее. На мой взгляд, грызунов здесь все еще слишком много.

Том закрыл крышку на фляге и поднялся.

– Забавно, что мы тут встретились. После кормежки Морриса я как раз собирался идти к вам в сад и дожидаться тебя.

Я отвернулась.

– Долго же тебе пришлось бы ждать. Даже если бы меня не заперли в подвале, я бы не пришла. Мне-то это зачем?

– Еще как пришла бы, – ухмыльнулся Том.

Честно говоря, скорее всего, я бы и впрямь пришла, но признаваться в этом не хотелось.

– Зачем?

Том плюхнулся прямо на грязный пол и заухал Моррису. Совенок допрыгал к нему и уселся на колено хозяина. Казалось, хищные когти вот-вот пронзят ногу мальчишки. Но, возможно, на его длинных тощих конечностях неросло плоти, потому он не чувствовал боли от острых кончиков.

Том накапал на пол воска и водрузил в центр лужицы свечу.

– Так как, говоришь, тебя звать?

А я и запамятовала, что он не знает.

– Мэйв, – отозвалась я. – Мэйв Меррит.

– Мэйв, – эхом повторил Том и почесал спинку Морриса пальцем. – Что ж, Мэйв, есть у меня к тебе предложение.

– Не интересуется.

– Предлагаю перемирие.

Я молча ждала. Самоуверенная физиономия рыжего так и просила заехать по ней кулаком, но следовало соблюдать

правила игры: не лезть на рожон, пока тебя не разозлят по-настоящему.

– Говори.

– Ладно. – Том снял кепку. В мерцании свечи полыхнули огненно-рыжие волосы. – Итак, вот что я думаю. У тебя есть джинн.

– Гениальное наблюдение.

– Выходит, ты получила три желания. Правила-то все знают.

– Похоже, ты ужасно уверен в себе.

– Разве я не прав?

Не было смысла затевать ссору из-за ерунды.

– Прав.

Том кивнул.

– И сколько ты успела потратить?

– С чего это я должна тебе все рассказать?

Том примирительно поднял руки.

– Ладно, забудь. Представим, что ты не потратила ни одного. Допустим, все три при тебе. И вот я заявляю: хочу, мол, стащить твоего джинна. Но зачем мне так поступать? Это ведь нечестно. Может, не стоит враждовать?

Мало кому следует доверять меньше, чем врагу, который предлагает дружбу.

– Так вот что я придумал. Ты поделишься желаниями со мной.

– Что?! – Я так и знала! Жадный щенок! – И не мечтай.

– Поделишься со мной, – не отступил Том, – то есть позволишь поучаствовать в твоих приключениях. А когда твое время закончится, передашь джинна мне, и я поделюсь с тобой.

Я молча уставилась на него.

– И тогда у нас будет шесть желаний. Мы станем союзниками, а не врагами.

Моррис тихонько ухнул. Похоже, совенку нравилось, когда Том почесывал ему спину.

– Так что скажешь?

Поделиться желаниями... Тогда Том перестал бы все время рыскать вокруг, пытаясь стащить мою банку. Разумеется, если он предлагал всерьез. Если был честен.

Хотя вообще-то звучит правдоподобно. Пожелай Том меня ограбить, он бы уже попытался. В подвале мы одни. У него преимущества: рост, знание помещения и свеча.

Вот только не выйдет передать ему Мермера, ведь после третьего желания джинн исчезнет неведомо куда. Я не могла ничего обещать, даже если бы хотела.

Однако Том об этом не знал.

Хм-м-м...

Нужно потянуть время.

– С чего ты взял, что я захочу приключений? А вдруг я пожелаю... нарядов и всего такого?

Том рассмеялся, и смех стер с его лица ехидное выражение.

– Такая девчонка, как ты? Вот уж вряд ли.

Я выпрямилась.

– В каком смысле «такая, как ты»?

Том все еще улыбался.

– Знаешь, как прозвали тебя приютские ребята?

Руки сами по себе сжались в кулаки.

– И как же...

– Ловкач Фрэнк.

Я вскочила с койки.

– Что?! А ну покажи, кто посмел меня так звать!

Том изобразил удар битой.

– Парни говорят, если б ты знала правила игры в крикет, была бы отличным подающим.

– Ах, вот что... – Я уселась на место.

Должно быть, они видели, как я бросаю мяч в саду на переменке. Потом мисс Розуотер запретила мне это делать, мол, недопустимо для леди! Ловкач Фрэнк, ишь ты! Зарядить бы им мячом по сопливым носам да показать пару приемов!

– Да, у меня поставлен удар. И что с того?

Том достал маленький сверток и предложил мне.

– Лакрицы?

Я рассвирепела.

– Ну и нахал же ты: угощать меня моей же лакрицей! Проходимец!

– Такой и есть, – засмеялся Том.

Я взяла кусочек лакрицы и сунула в рот.

– Этим ты кормил сову?

Том зажал лакомство в зубах.

– Моррис ее любит.

Лакрица была отличной: вкусной, твердой и липкой. Поли знает, какая мне нравится.

– Так я прав?

Я сглотнула слюну, стараясь освободить слипшиеся от лакомства зубы.

– Насчет чего?

Том взял еще конфету.

– Насчет тебя, нарядов и приключений.

Я промолчала. Может, я и ненавидела наряжаться, но мне не нравились странные мальчишки, которые угадывали, что я не люблю платья.

– Потому думаю, мы должны стать партнерами.

– А я думаю, ты нахал. Не успели познакомиться, как ты стал угрожать украсть моего джинна, а потом стащил лакрицу. И теперь хочешь, чтоб я взяла тебя в партнеры? И где ты столько наглости набрался...

Том уставился на меня немигающим взглядом, в точности как его соенок.

Вот сумасшедший! Кажется, решил, будто у него предостаточно времени, и не сомневается, что я соглашусь.

Однако предложение меня заинтересовало. Я бы только выиграла, взяв рыжего в партнеры, и ничего не потеряла.

Кроме своей совести. К тому же так будет легче за ним при-
сматривать. Том может оказаться полезным... Он уже дока-
зал свою наблюдательность, смелость и пронырливость.

Дело только вот в чем. Не могла я пообещать ему отдать
джинна, когда исчерпаю желания. Мермер объяснил ясно.
его чары работают иначе. После исполнения последнего же-
лания джинн исчезнет и появится в другом месте, может, на
том конце света. Например, в чайнике где-то в Китае или
в ночном горшке какого-нибудь американца. Поделом тебе,
заносчивый старый сом!

Опять же, Том ничего этого не знал. И если бы мы заклю-
чили сделку, оставил бы попытки меня обворовать.

«Но это нечестно, Мэйв», – произнес слабый голосок у
меня в голове. Тот, что вечно пытался испортить все веселье.

Но когда дело доходит до джинна, о честности речь не
идет. Не соглашусь на сделку – рыжий ограбит меня прямо
тут.

Так что же мне сказать этому упорному мальчишке из
приюта?

Я решила повременить с ответом.

– Ничего не могу обещать, – наконец отозвалась я. – Но
возьму тебя с собой в следующее приключение, когда бы оно
ни случилось. Я пока не придумала.

Том посадил Морриса себе на плечо, поднялся и протянул
мне руку. Я тоже встала и обменялась с ним рукопожатием.

Все казалось таким торжественным, а следовательно, со-

вершенно нелепым.

– Так почему не сейчас?

Глава 11

– Да ты рехнулся! – воскликнула я.

– Ничего подобного, – ухмыльнулся Том.

Я вспомнила о банке сардин, что осталась лежать на койке на самом виду, и поспешно плюхнулась обратно.

– Я не хочу ничего загадывать, не обдумав как следует. Вообще-то это можно сделать всего три раза. У меня есть конкретные цели, и я собираюсь правильно распорядиться желаниями, потраченного-то ведь не вернуть.

Том азартно потер руки.

– Да, но с сегодняшнего дня желаний у тебя в два раза больше. И почти все твои.

Я такого не говорила. Я не соглашалась именно на это. Но так уж Том понял наше соглашение. О боже. Если я его поправлю, все начнется заново.

«Ты ступаешь по тонкому льду», – проворчал мой внутренний голос.

Вот нытик-то!

Моррис зарылся клювом Тому в волосы, будто решил отыскать там вкусную мышку, а мальчишка этого даже не заметил.

От возбуждения он широко распахнул глаза.

– Почему бы тебе не позвать подругу? – спросил Том. – Твою соседку по комнате? Возьми и ее, ты же ей доверяешь.

Вижу – доверяешь. А когда мои желания закончатся, я передам джинна ей. Получается, на всех у нас будет девять желаний!

– Моя соседка по комнате?! – рассердилась я. – С чего ты взял, будто я ей доверяю? Что ты еще про меня разнюхал? Что дальше, проследишь за мной до дома родителей?

Кажется, при упоминании родителей веки Тома едва заметно дрогнули. Я чуть не откусила себе язык за такой промах. Может, я и не верила этому грабителю, охочему до сардин и лакрицы, но ради всего святого, он же сирота!

Но Том уже взял себя в руки.

– Окно вашей комнаты выходит на нашу спальню.

– Ну спасибо, что не стал за мной шпионить!

– А ты почаще задергивай занавески! Ой, Моррис...

Совенок клюнул хозяина в ухо. Том решил, что хватит таскать Морриса на плече, как Джон Сильвер своего попугая, и пересадил птицу на мою койку. Совенок потоптался с ноги на ногу, а потом сгорбился и вжал голову в плечи. Пора вздремнуть. Похоже, Моррис присвоил мое спальное место. Что ж, по крайней мере, на какое-то время отпугнет крыс.

Том оторвал свечу с пола, схватил меня за руку и потащил в глубь подвала. Я вывернулась, забрала сверток со своими вещами и, конечно, банку сардин, а потом отправилась за Томом. Он снова взял меня за руку и повел через темное захламленное помещение. Ладонь у рыжего оказалась крепкой и жесткой, покрытой мозолями. Мальчики до этой минуты

касались меня лишь в одном случае: когда их кулаки впечатывались в мою челюсть.

Том открыл дверь подвала, мы вышли наружу и по лестнице поднялись на улицу. Церковные колокола начали отбивать девять вечера. Свет горел лишь в окнах мисс Саламанки. Сквозь занавески виднелся ее силуэт, склонившийся над письменным столом. Без сомнений, директриса строила очередное письмо с извинениями мистеру Трезелтону. Хотя кто знает, возможно, она пописывала дрянные романтические стишки. А что, если Старуха Салли адресовала стишки мистеру Трезелтону? Какая забавная идея!

– Задуй свечу, а то нас заметит мисс Саламанка! – прошипела я.

Том зажал фитилек пальцами.

В сыром сумраке ночи каждый фонарь окружало призрачное сияние. Город словно затянуло серой пеленой тумана, пронизанного светом окон. Я бы предпочла, чтоб вокруг царил непроглядная тьма, но ничего не поделаешь.

– Вон мое окно. – Я указала на второй этаж. – Алиса уже выключила свет, наверное, легла спать.

– Знаю я, где твое окно, глупая, – отозвался Том. – Я залез в него по водосточной трубе, когда оставил записку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.